

Физрук

Назад в СССР

Физрук

Рафаэль Дамиров

Физрук: назад в СССР

«Автор»

«Автор»

2023

Дамиров Р.

Физрук: назад в СССР / Р. Дамиров — «Автор», «Автор»,
2023 — (Физрук)

Я был успешным предпринимателем, но погиб от рук конкурентов. Судьба подкинула подлянку – я не отправился «на покой», а попал в прошлое. Душа вселилась в выпускника пединститута. На дворе 1980 год, а я простой физрук в советской школе, который должен отработать целых три года по распределению. Биологичка положила на меня глаз, завуч решила сжить со свету, а директор-фронтвик повесил на меня классное руководство. Где я и где педагогика?! Ничего, прорвемся... Вот только класс мне достался экспериментальный – из хулиганов и второгодников, а на носу городская спартакиада. Как из малолетних мерзавцев сколотить команду?

© Дамиров Р., 2023

© Автор, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерий Гуров, Рафаэль Дамиров

Физрук: назад в СССР

Глава 1

– Э-э! Казел, бабки вэрни! Прирэжу!

Скрежетал из телефонной трубки голос с акцентом, впиваясь в мою барабанную перепошку. Я стоял в одних трусах посреди загородного дома и слушал сплошной поток отборных угроз. Во дает! Даже слово вставить не могу...

– Милый, кто звонит? – в арке из искусственного камня выросла моя «Богиня».

Рыжая девица с перекаченными губами, модным лисьим прищуром и ногами от самых гланд. Грудь выпирает из-под легкого шелка распахнутого до пупа халатика. Блин... А ведь я даже имя ее не успел узнать. Зажал ладонью динамик и притворно улыбнулся:

– Ничего особенного, это по работе, я скоро буду.

– Я тебя жду, барсучок, – богиня театрально развернулась, демонстрируя попку «краником», поправила сползшее по плечу кружево и, виляя бедрами, растворилась в дверном проеме. Я невольно проводил ее взглядом, эх... хороша Маша (или кто она там, Ангелина или Оливия какая-нибудь, скорее всего).

Переступая с ноги на ногу, я почувствовал, как разгоняется молодецкая кровь, аж мурашки по коже. Вот как на меня девки красивые действуют. Эта кукла лет на тридцать младше меня. Ухоженная – солярием, фитнесом и прочими СПА отполированная. Мартышка повелась на мою дорогую тачку и презентабельный вид бывшего торгаша. Ну и лопатник, конечно, полный налички (люблю нал), тоже сыграл роль. Так получилось, что после сегодняшней очень денежной сделки налички у меня оказалось в избытке, вот и расплачивался я в ресторане не картой. Шкурка видела, что Буратинка богатенький, глаз положила. Да и хрен с ней, один фиг завтра на Бали свалю. Мне теперь жизни здесь не дадут. А эта лялька думает, что бизнесмена отхватила – путевочку в новую жизнь. Пусть думает.

Был бизнесмен Вова, да сплыл сегодня. Отжали у меня дело, но и я в накладе не остался. Подлянку напоследок недругам подложил-таки.

Я вернул трубку к уху, из которой по-прежнему верещал мой партнер по сделке.

– Извини, дорогой, отвлекся, – медовым голосом пропел я. – На чем мы остановились? Ага, вспомнил! Ты, вроде, зарезать меня собирался. Да, да, продолжай...

Саид и его ребята год назад положили глаз на мой бизнес – достаточно крупный автосервис по ремонту иномарок. Воспользовались тем, что санкции серьезно ударили по моей прибыли, и случился отток клиентов. На сам сервис им было плевать с высокой горы, где раки свистят, но вот земля, на которой стояли боксы моих мастерских, виделась им лакомым кусочком.

Эти ублюдки подкупили префекта, архитектуру и прочую чиновничью братию. Отжали землю грамотно, но грязно. Добились своего, совершив, по сути, рейдерский захват. Совсем как в старые-добрые девяностые, когда я только начинал барахтаться в рыночной экономике, завязав с армейкой и пытаясь сколотить свой первый бизнес, гоняя из Уссурийска праворульные «японки».

– Что молчишь?! Э! – продолжала дребезжать трубка...

– Все честно, Махмуд, – вздохнул я (уже утомился топтаться в коридоре, хотелось поскорее к «Маше» под бочок). – Ты меня кинул, с меня ответка прилетела. А ты как хотел?

– Я Саид! – заверещала трубка, подпрыгнув у меня в руке.

– Без разницы, – улыбнулся я. – Хоть Гюльчатай... Один хрен, получай!

– Верни деньги, сука! Ты заранее знал, что на земле, которую ты мне впарил – нельзя ничего строить!

– Честно? Не знал... Но так получилось, – злорадно скалился я, вспоминая, как провернул крутую аферу.

Я когда-то нашел на участке своего автосервиса, в траншее, древние черепки. Осколки горшка или короны, так и не разобрался. Значению этому сразу не придавал, но черепки заныкал, место находки запомнил. И вот сейчас выложил этот козырь. Обнаружил, так сказать. Естественно, землю властям пришлось признать исторически ценной и неприкосновенной. И архитектура зарубила там строительство. Даже боксы мои не успели еще снести, как археологи, студенты и прочие доценты сразу понаехали, раскопки начались. Пресса, репортеры и все дела. Мол, стоянка людей какой-то древней домуходрищенской эпохи, оказывается, там нашлась. Во как...

Вот и злился мой нечестный покупатель. Выкусил, падла.

– Ты все сказал? – поинтересовался я, когда Саид в очередной раз набирал в легкие воздух, давая себе передых между матерными тирадами и угрозами. – Теперь внимательно послушай меня, чувырло неумытое. Бабки останутся у меня. Как ты дальше там с землей порешаешь – мне фиолетово, можешь продать свои почки, можешь пойти на панель. Это твои проблемы. Всего хорошего желать не буду. А вот в жопу пошлю.

Положил трубку, телефонный провод выдернул из розетки. А вот теперь пора сваливать, звонок-то очень быстро пробьют. Эх, не срослось сегодня со свиданием. Зря только телочку приболтал.

Я зашел в комнату, где на кровати, как агнец на жертвеннике, лежала моя богиня. Волосы разметала по голым плечам и груди, ножку вытянула, попку отключила. Прямо картину можно писать. Жаль, что я не Рафаэль, да и времени в обрез.

Не глядя больше на нее, я с невозмутимым видом начал одеваться.

– Что-то случилось, барсучок? – насторожилась девушка, приподнимаясь на локтях и хмуря аккуратные бровки.

Я промолчал. Оделся, взял спортивную сумку с бабками, из кармана брюк достал смятую столларовую купюру и положил на кровать.

– Это на такси, за аренду дома заплачено за сутки вперед. Развлекайся, а лучше вали – тут в течение часа ко мне друзья подъедут. Такие друзья, что не заскучаешь.

– Эй! Ты к-куда? – изумилась рыжая бестия и вскочила с кровати, тряхнув гривой.

Аж заикаться начала, бедняга.

– Извини, убегаю, милая, дела.

Я не стал продолжать разговор, торопливо вышел из дома, попутно заглянув в холодильник, из которого выудил себе заветный пломбир. Съем по дороге, не могу мороженое врагам оставить. Во дворе грустил потертый «Форд», на нем я и доберусь до аэропорта, билеты на Бали уже куплены и грели карман. Естественно, приобрел я их на левый паспорт – не дурак ведь. Саму тачку я купил за бесценок у одного из бывших клиентов, специально для осуществления финальной части моего плана.

И вот теперь все почти позади! Плюхнулся на продавленное водительское сиденье, распаковал мороженку, откусил. Зубы заломило. Но вкусно, блин... Щас, пять минут погрызу и поеду.

– Далеко собрался, барсучок? – перед машиной вдруг выросла рыжая в одних трусиках, только руки почему-то держала за спиной.

Мой взгляд скользнул по обнаженному телу. Я уже было начал жалеть, что так спешно покидаю «гнездышко», и в голове мелькнула шальная мысль, а не вернуться ли на полчаса в дом?

Но не успел путем погоревать, как на меня уставился ствол пистолета... Это псевдо-Маша резко выбросила вперед руки, а в них оказался самый настоящий «ТТ». Сама она стояла уже напротив распахнутой водительской двери.

В рот просроченный компот! Это че вообще происходит?! На меня смотрело черное пятнышко дула и два соска по бокам от него. Ёпрст!

– Слышь, милая, ты пукалку-то опусти, а то пальнет ненароком, – улыбнулся я, подтаивший пломбир предательски сполз с палочки, я еле успел вытянуть руку из машины, чтобы не замараться.

Шмяк! – мороженое упало на дворовую брусчатку, а я продолжил переговоры:

– Ты так сильно расстроилась, что я ухожу? Окей! Могу задержаться. Вот смотри, я уже выхожу из машины...

– Сидеть! – взвизгнула девица, тыча в меня пистолетом. – Сумку давай, мудака! Ну!

– Какую сумку, золотце? – я вернулся на водительское сиденье, а рука незаметно потянулась к бардачку, где-то там, я знал, лежит нож.

– Не делай мне мозги, Данилов! Вон ту сумку кидай, что на заднем сиденье лежит.

Опачки... Интересно девки пляшут, голышом и со стволом... Откуда она меня знает? И тут до меня дошло. Ах вот оно что! Не просто так, выходит, я ее в ресторане подцепил сразу после сделки. Совсем не случайность это.

Но на заднем сиденье «Форда» у меня – две сумки. Одна с деньгами, вторая со шмотьем моим. Шорты, майки и прочие очки для островного отдыха. Кину ей бутафорию, пока будет разбираться, постараюсь забрать пистолет. Навык работы против угрозы оружием имеется. Не всю жизнь в бизнесменах я штаны протирал.

Завел руку за сиденье, демонстрируя покорность. Швырнул, не выходя из машины, сумку с вещами, та брякнулась под длинные, до блеска отдепилированные ноги воительницы.

– Саиду привет, – улыбнулся я, давая понять, что обо всем догадался.

Пусть понервничает лишний раз. Так проще будет ее врасплох застать.

– Не знаю никакого Саида, – прошипела рыжая, косясь на сумку.

– Не свисти, милая, – улыбнулся я. – Ведь это он тебя прислал.

Девка что-то прошипела, нагнулась к сумке и на секунду выпустила меня из виду. И дуло ее пистолета больше не смотрело прямо на меня. Пора!

Я рванул вперед. Из машины выскочил пулей. Вот уже до бестии рукой подать. Щас перехвачу руку с оружием. Выкручу и... Хрен-то там! Большой и толстый!

Вжик! Нога предательски поскользнулась на чем-то липком. Я беспомощно взмахнул руками и завалился на спину. Пломбир, твою мать! – мелькнула последняя мысль. А ведь почти достал сучку! Даже за трусики пальцем в последний момент уцепиться успел. Сорвал их и со всего маху приложился хребтом о брусчатку.

Бах! – грохнул выстрел. Короткая вспышка, адская боль, и я провалился в никуда.

Ну, приехали, меня убила ботоксная кукла...

Глава 2

Вздрыгнул. Заморгал. Вроде, дышу. Фу-ух! Блин, живой... Перед глазами пелена, но я определенно не сдох. Это могу сказать точно. Потому что затылок ноет и, вообще, мне жарко. Не может покойник такое ощущать. Видно, промахнулась лялька, и на том спасибо... Ух, гадина.

– Александр Сергеевич, что с вами?

– Может, скорую вызвать?

– Смотрите, он, кажется, моргает!

Посыпались откуда-то сверху на меня голоса.

Кто еще здесь, черт их раздери, и как они нашли меня?

С трудом разлепил веки. Ни хрена не видно, потер глаза, все как тумане, чувствую себя ежиком. Еще секунда и надо мной стали прорисовываться незнакомые силуэты. Лошадка и медвежонок? Слава богу, нет. Две тетки какие-то. Люди, а не ангелы – фух... немного отлегло.

Чьи-то руки меня подхватили со всех сторон, подняли с пола и посадили на стул. Картинка прорисовывалась четче, но вот ерунда – становилась все бредовее и бредовее.

Я сижу в просторном кабинете на скрипучем деревянном стуле у приставного стола, рядом странно одетые люди, будто они собрались на картошку и для этого напялили советские вещи своих пращуров, откопав их из нафталиновых залежей бабушкиного комода. Так одевались лет сорок назад, примерно.

Кабинет простенький. Стены выкрашены в человеческий рост в непритязательный казенно-синий цвет. Выше – побелены. Посреди помещения у окна – громоздкий стол из неубиваемой советской полировки. От него отходит буквой «Т» приставка, за которой сидел я и эти вот незнакомые странно одетые личности.

«Главный» стол завален бумажками, какими-то папками, но компьютера не видно, зато есть статуэтка Ленина. Господи, ну кто может держать это в кабинете?

Во главе восседает крепкий усатый мужик возраста матерого депутата Госдумы, но костюмчик на нем потертый и мешковатый, цвета торфа с навозом. Галстук в тон, но слишком широкий, и узел – почти с мой кулак. Совсем не депутатская одежда. Зато морда волевая, как у красноармейца, но глаза для бойца слишком добрые и умные.

– Александр Сергеевич, как вы себя чувствуете? – спросил усатый на правах старшего.

Сразу видно, что кабинет его, а люди, что расселись напротив меня и по бокам – его подчиненные.

– Похоже, он вас не слышит, – ко мне через стол перегнулась мадам комплекции Фрекен Бок, только лицом помоложе и посимпатичнее. Этакая перезрелая и располневшая милфа. На лицо не дурнушка, но все портят дурацкие очки и шишка вместо прически на голове. От ее белой блузки с пенсионерскими кружавчиками на воротничке пахнет гвоздикой.

Туман в голове окончательно рассеялся, и взгляд мой выхватил из обстановки кучу незнакомых людей, что уставились на меня. Будто я сижу на планерке и чем-то провинился.

Что за на хрен? Где я? И почему все вокруг одеты как на вечеринке «Назад в СССР»? Даже мебель под стать – угловатый гробина-шкаф, неказистое зеркало на стене и прочие колченогие тумбочки, ну явно не из Икеи.

– Простите, но мне кажется, все-таки ему нужен врач, – милфа в белой блузке сочувственно скривила пухлые, но бледно-накрашенные губы.

С помадой она явно не угадала. За такие губы люди выстраиваются в очередь к ботексным спецам, а она их прячет под невзрачно-розовой посредственностью.

– Все нормально, господа, – проговорил я, наконец, поняв, чего ждут от меня незнакомцы. – Я в порядке.

Блин! Это что еще за голос, это как я заговорил?! Он явно не мой. В нем нет возрастной хрипотцы и совсем не прокуренный. Дела-а...

– Вы слышали, товарищи?! – со стула вскочила пожилая, но юркая дамочка с платком цвета вороньего крыла на плечах и с длинным, пронирыливым, как у Шапокляк, носом. – Он сказал «господа»! Вот каких выпускников нам пединститут поставляет! Безобразие!

Дамочка еще больше сморщилась, добавляя к своему и так не молодому возрасту образ засохшего изюма. Что она ко мне прицепилась? Ну, точно, Шапокляк, того и гляди из рукава Лариска выскочит.

Народ зароптал, загудел.

– Тише, товарищи, – зашевелил черными кустами усов директор. – Александр Сергеевич – молодой специалист, закончил институт с дипломом с отличием. Поступил в нашу школу работать по распределению. Просто сейчас он немного не в себе. Шутка ли, упасть со стула и головой, то есть, затылком приложиться.

– Меньше качаться надо было на стуле этом, – прошипела «Шапокляк», никто ей даже не возразил.

Вот стерва... И почему они называют меня Александр Сергеевич? Ведь я не Пушкин, я...

Ё-моё! Самолет на Бали! Я же наверняка уже опаздываю. А чемодан мой где с деньгами?

Я привычно потряс рукой и глянул на запястье, но вместо стильной синевы и приятной тяжести швейцарских «Breitling» на меня смотрела пучеглазая «Слава» на ремешке из невзрачной кожи дохлого крота.

Но не это было самым странным... Черт бы с ними, с часами, но ведь... Моя рука... Ёпрст! Кожа и пальцы без пучков «шерсти». Гладкие, отливают медью загара. Я будто помолодел лет на... Не может быть! Да ну нафиг!

Я встал и, не обращая внимания на присутствующих, подошел к зеркалу.

Оттуда на меня смотрел парень чуть за двадцать в нелепом трикотажном спортивном костюме и со свистком на груди. Я потрогал нос, потер виски, высунул язык – отражение все выкрутасы за мной исправно повторило, и парень никуда не исчез.

Не понял... Это что? Это кто? Это я? Мать меня за ногу! Как такое вообще возможно?

А-а... Я все понял! Голая сучка прострелила мне башку, и сейчас я смотрю «мультики» в какой-нибудь реанимации под сильнодействующими препаратами. Эх меня вштырило, однако. Лан, прорвемся. Самое главное, что живой. Ведь покойникам сны не снятся. Да? Надеюсь, выкарабкаюсь, и до меня в больничке не успеют добраться люди Саида.

– Александр Сергеевич! – по спине резанул голос «Шапокляк», будто хлыстом. – Что вы себе позволяете? – У нас вообще-то совещание!

– Да ему нехорошо, – вступился чей-то мужской голос. – Вон как кривляется.

Хм-м... Они мне будут что-то запрещать? Почему вообще персонажи из моего сна выглядят, как настоящие? Вот интересно – а если этой Шапокляк вдарить? Мой кулак провалится в никуда, как и положено во сне? Или что?

Ну, нет. Женщин я не бью, даже в коме и даже таких мерзких. Но любопытство раздирало, уж слишком реалистичными были люди-глюки. Еще и этот плакат-календарь на стене бесит, с символикой давно прошедшей Олимпиады-80. И год на календаре значится 1980-й. В интересную локацию меня занесло. Или это все-таки какой-то розыгрыш? Щас проверим...

Я подошел к приставному столу и протянул руку, чтобы потрогать сидящего там мужика комплекции Винни-пуха.

Он отстранился, на его груди испуганно забряцали какие-то советские значки.

– Да, не бойсь, пухлый, я только кое-что проверю! – я настойчиво потянулся к возрастному мужику и попытался схватить его за брылю.

Сейчас мои пальцы провалятся, и я окончательно пойму, что это все сон.

Хоп! Пальцы ухватили лоснящуюся щеку толстяка.

– Ой! – дернулся «Винни-пух» и вскочил с места.

«Твою мать! Он настоящий!» – прострелила мозг кошмарная мысль.

– П-простите! Не надо меня трогать, – пролепетал толстяк, раздувая щеки и пятясь. Кажется, он вот-вот-вот расплачется. Вроде мужик солидный, и галстук в горошек, а меня, сопляка, испугался. Сопляка? Ну так, а кто я еще? Вроде не дрищ, но выгляжу, как тимуровец. Не урод, кстати говоря, и на том спасибо. Но, похоже, надо сбавить обороты. Принятие новой реальности пришло на удивление быстро.

За свою жизнь я привык анализировать и делать выводы. Свел дебет с кредитом и пришел к такому неутешительному заключению – похоже, что я занял чье-то молодое тельце, и сейчас, мать его, 1980 год! Как такое возможно? Да пофиг как, потом с этим разберусь, главное сейчас понять – кто новый я.

Судя по одеянию и свистку на веревочке, – я учитель физкультуры. За окном тополя еще зеленые, и солнышко пригревает, значит, месяц – не позднее сентября. Тот усатый – директор школы, а Шапокляк, скорее всего, завуч. Трусливый Винни-пух – историк какой-нибудь. Как я догадался? Очень просто. Цапки советские нацепил, взгляд такой заумный. Да, вон и учебник «Истории» у него в руках мусолится.

Остальные тоже, похоже, учителя. Это что получается? Мне теперь уроки вести надо? Или нет? А ну как завтра явится ко мне ангел и скажет, что, мол, ошибочка, гражданин Данилов, вышла, переезжайте, уважаемый, в другое тело. Мертвое, которое на днях хоронить будут. К тому же в закрытом гробу.

Бр-р... Плечи мои передернулись. Нет уж! Александр Сергеевич, так Александр Сергеевич! Лучше бедным, но молодым, чем богатым и мертвым. Да еще и пожилым. Только сейчас я обратил внимание, что поясницу не тянет, и колени не скрипят. Тельце мне досталось неплохое. Да и ростом повыше среднего, надо будет сходить в уборную и дальше самообследование провести. Надеюсь, что там, поужнее, тоже все в полном порядке. Иначе зачем судьба сделала меня молодым? Ну не детей же учить, в самом деле?

– Сядьте, Александр Сергеевич! – зыркнул на меня директор.

– Да, да, конечно, – я вернулся на свое место.

Взгляд мой остановился на статной блондинке напротив, даже скромная блузка и юбка-карандаш не могли скрыть ее интересных и совсем не учительских форм. Тоже преподаватель? Слишком красивая и глупая, но всякое бывает.

Я сидел и размышлял, краем уха слушал, как Пал Палыч (так звали директора) давал наставления перед началом учебного года. Дескать, второгодников подтянуть и не плодить их ряды, дежурства по уборке классов организовать с первого учебного дня, стенгазету от каждой параллели выпустить ко дню знаний. Степанова не ругать и к директору не водить, у него отца недавно председателем исполкома назначили.

– Александр Сергеевич, – выдернул меня из думок голос директора. – Вы мячи закупили?

Что ответить? Признаться, что я не я, и хата не моя? Нет, конечно. Мигом упекут «куда надо» со словами «и тебя вылечат». А хотя нет... Лечить не будут, время сейчас такое, что «контора» не дремлет. Не хватало мне еще попасть в поле зрения людей в серых костюмах. Как там они говорили? Здравствуйте, пройдемте с нами, пожалуйста. Ни тебе званий, ни фамилий, просто корочками сверкнут мельком, этого достаточно, чтобы загипнотизировать любого советского человека.

– Все в порядке, Пал Палыч, – уверенно кивнул я, соображая, купил ли Саня, то есть теперь уже я, эти чертовы мячики или деньги замылил.

Будем рассуждать логически. Диплом у него «красный», значит, мальчик он правильный и дотошный. Не должен был казенные денежки спустить. Эх... Не повезло тебе, Санек, что в тебя Володька пришел. Похоже, всей твоей педагогической карьере скоро придет трюндец. Если я буду детей учить, товарищ Макаренко в гробу перевернется, еще и проклянет меня,

наверное. Таких, как я, вообще на порог школы нельзя пускать. В прошлом – военный, в девяностых полубандит-полубизнесмен. В двухтысячных предприниматель, а потом и вовсе труп.

В том, что меня убили, теперь я нисколько не сомневался. Иначе как бы моя брменная душа сюда попала? Явно за какие-то прегрешения высшие силы, или кто там за нами сверху бдит, отправили меня в школу работать.

Ха-ха! Где я – и где педагогика? Нет, надо сваливать по-тихому. Чай не в кабале. Уволюсь и реальными делами займусь. Эх... Жаль, что пока сильно не развернешься. Я напряг мозги. На перепадах курса валют не поднимешься, валюта вообще запрещена к обороту у граждан, уголовка за это светит. Приватизации еще долго не наступит, а до рождения биткойна, как на самокате до Хабаровска.

Ну ничего... Руки-ноги целы, голова прежняя осталась, это я чувствую. Тьфу-тьфу... Если уж в девяностые выжил, то и здесь выкручусь. Фарцой, например, займусь, заграничные шмотки толкать можно, дефицит в застойном Союзе никто не отменял. Главное – все организовать грамотно, людей подобрать толковых, ментов прикормить. Вот эту блондиночку я бы определенно взял к себе в команду. Тоже сидит, на меня косится. Хороша училка.

– Мы закончили, все свободны, – директор выдохнул и налил себе из пузатого графина воды.

Учителя потянулись вереницей на выход. Господи... Какие они все нелепые. Особенно этот «гусар», в вельветовом пиджаке и в сверкающих башмаках, похожих на две шлюпки. Хорохорится, той блондинке льбой светит, вперед пропускает. Павлин сельского пошиба, да и только. Если ты даму охмурить хочешь, нафига клетчатую рубашку с галстуком носишь? Интересно... Какой предмет он ведет?

В отличие от прочих, держится прямо, вроде как, по-военному. Но покаты́й лоб мозгов явно много не вместит, да и взгляд слишком хитрый для математика или другого физика. Он больше на прапорщика похож. На Задова. Может, военрук какой-нибудь. Ведь была в эти времена военная подготовка у школьников. Автомат разобрать, гранату швырнуть и противогаз правильно нацепить – каждый советский старшеклассник обязан был уметь.

Ну, точно военрук, вон и планки наградные на вельвете сверкают, как я их сразу не приметил? Такие медальки в гражданской жизни не дают, а для фронтовика он слишком молод. Не больше сорока ему.

– Александр Сергеевич, – директор кашлянул в кулак, который почти целиком утонул в его шикарных усах. Чапаев, да и только. – Вы что-то хотели?

Пока я размышлял, в кабинете мы остались одни.

– Да, Пал Палыч. Тут такое дело... Помощь твоя, то есть, ваша нужна...

– Слушаю, – директор стал барабанить пальцами по столу, отбивая какой-то марш.

– Я это... Уволиться хочу.

– Да, конечно, – кивнул Пал Палыч. – Пишите заявление.

Опа? А что так можно было? Так просто? Я уже приготовился на баррикаду лезть, а меня даже уговаривать никто не стал. Легко сказать, пишите заявление, фамилия-то у меня какая сейчас? Надо бы добраться до своего места жительства и все разузнать. Паспорт хоть глянуть. Только бы родственнички моего нынешнего тела меня не спалили. Я же не помню ничего о его прошлой жизни... И их не помню.

– А есть образец заявления? – спросил я, уже выискивая на столе директора авторучку.

– Пишите в произвольной форме. Только вам сначала нужно будет официально отказ оформить.

– Какой отказ? – я сдвинул молнию мастерки вниз, как же все-таки жарко в этом нелепом спортивном костюме. Сто пудов он из натуральной шерсти сделан.

– Для горono. Они рассмотрят и дальше отправят. В прокуратуру.

– В каком смысле, дальше? Зачем в прокуратуру?

– Ну как же? Вы поступали в пединститут по целевому направлению от нашего отдела образования. Вне конкурса прошли. А теперь отказываетесь положенные три года по распределению как молодой специалист отработать. Прецедент, конечно, вопиющий, поэтому я обязан сигнализировать в компетентные органы.

И выкладывает мне все это так спокойненько.

– А без прокуратуры никак? – напрягся я.

– Никак, – дернул усами Пал Палыч. – И ключ, пожалуйста, сдайте.

– От спортзала?

– Почему от спортзала, в нем нет замка. От комнаты в общежитии, который я вам сегодня дал. Жилье вам предоставлено из городского фонда как молодому преподавателю. Если вы собираетесь уволиться, то обязаны вернуть полагающиеся метры жилплощади государству. И кстати, мы еще ваш поступок на педсовете обязаны будем разобрать, вы уж не обессудьте.

Я сунул руку в карман и нащупал металл. Ага. Вот он, ключик. Значит, у меня есть крыша над головой и работа. Нормальный такой стартовый набор для новой жизни. Как-то не хочется этого всего сразу лишаться.

Нет, вообще-то, работу такую потерять совсем не жалко. Что это за работа такая, да на ней денег особо не увидишь. А вот общага, это да... Вещь крайне нужная, особенно на первых порах.

Да и светиться мне пока явно не стоит. Привлекать к себе внимания властей сейчас никак нельзя. Погорю на мелочи, и вмиг в шпионы американские запишут. Притаиться нужно, освоиться, выждать, а уже потом с плеча рубить.

– Погодите, Пал Палыч, – улыбнулся я. – Вы меня неправильно поняли. Я имел ввиду, что когда я эти три года отработаю, только тогда заявление писать? Или заранее сейчас накатать можно, пусть у вас лежит.

– Заранее никто такие документы не оформляет, – хитро улыбнулся директор. – Так что работайте, Александр Сергеевич. Как говорится, не за страх, а за совесть. И, кстати, готовьтесь принять классное руководство.

– Чего?

– Ох, как вас приложило с этого стула-то..., уже забыли?

– Напомните, пожалуйста. Глова еще гудит.

– Я говорю, класс вам, конечно, достался непростой, но вы как мужчина справитесь. Тем более со спортом вы на «ты».

– А при чем тут спорт и классное руководство?

Все-таки сложно понять этих людей другой эпохи.

– Всякое может приключиться, – директор ослабил галстук. – Понимаете... Прошлого физрука ребяташки до больнички довели.

– Нервы?

– Перелом.

– В смысле?

Павел Павлович показно развел руками.

– Ну, я же говорю, класс сложный, экспериментальный, так сказать, со всей параллели набранный. К ним особый подход нужен.

– Дурачки, что ли?

Решили, выходит, новичку спихнуть. Ну и ушлый вы народ, а еще педагоги.

– Ну, зачем вы так? Есть там трудные подростки, и второгодники имеются.

– А нормальные ученики там присутствуют? Хоть в каком-то количестве?

Директор лишь пожал плечами.

– То есть со всей параллели вы запихнули в один класс самых отъявленных хулиганов и второгодников? Так?

– Ну... В общих чертах.

– Говорите как есть, Пал Палыч.

– Понимаете, у нас и так школа успеваемостью не блещет. В Литейске мы на последних позициях среди прочих средних школ. Вот и придумали собрать всех неблагонадежных учеников в один класс, чтобы они не мешали учиться другим детям. Не отвлекали их, плохому не учили, так сказать.

– И на какого они равняться будут? Второгодники эти? И какой дурак это вообще придумал?

– Я, – нахмурился директор.

– А почему мне пихаете этот класс? – прямо спросил я. – Неужели не нашлось более опытных педагогов?

– Вы молодой, сильный, вы справитесь. Идите, Александр Сергеевич, готовьтесь к первому сентября, – директор хитро прищурился, подкручивая ус.

Тоже мне, оратор, прямо Левитан.

Я вышел из кабинета совсем охреневший. Твою душу мать! Я что? Физрук? Да еще с экспериментальным, а вернее – полностью отмороженным классом? Даже факт попадания в прошлое меня не так ошарашил, как моя внезапно начавшаяся педагогическая карьера.

Так-с... Спокойно, Вова, вернее, уже Сашок, не кипишуй раньше времени. Прорвемся... Мне вот интересно, если я не могу сам уволиться, а меня уволить могут? За плохую работу, например? А?

– Александр Сергеевич, – на сей раз меня окликнул женский голос.

Я обернулся, в полосе света посреди коридора, у окна в свежеекрашенной раме, светила та самая блондинка. Она замерла, картинно изогнув спинку, отчего тесная юбка натянулась на упругих ягодицах. Казалось, черная ткань сейчас лопнет.

– Как вы себя чувствуете? – улыбнулась училка.

Хм... А может, все-таки выдержу я три года здесь? А?..

Глава 3

Подкатываю.

– Великолепно, – отвечаю. – Простите, я тут у вас новенький, имени отчества вашего пока не запомнил.

– Людмила Прокофьевна, – пропела блондинка.

– О, совсем как в «Служебном романе»! – проявил я эрудированность в советском кино.

Хорошо хоть что-то помню.

– Да, – зарделась училка. – Мне все так говорят!

– Но! – Я воздел указательный палец и ее взгляд застыл на мне. – Вы гораздо симпатичнее персонажа!

– Спасибо! – Людмила Прокофьевна сделалась совсем пунцовой. – Вы сейчас в общепите?

– Да, – признался я, – только дороги туда не помню. Я тут совсем недавно.

– Это ничего, я вас могу проводить.

Ого... В голове мелькнули приятные «пошлости». Неужто – до самой комнаты? К такому развитию интимных событий я привычен, но вот чтобы так сразу, в одна тыща девятьсот восьмидесятом сразу после пули в башку, полученной от голой чиксы в две тысячи двадцать третьем?.. Не слишком ли круто?! Но плохо я знал местные нравы. Честно говоря, я их вообще забыл, хотя когда-то жил в этом времени. Второй раз в одну реку вошел...

– Правда, мне на Ленина, а вам – на Красногвардейскую, но это рядом, – продолжала Людмила Прокофьевна.

Многозначительно киваю, будто врубаюсь в тему, хотя где эти улицы – понятия не имею. Мы движемся вдоль длинного и унылого, как устав караульной службы, школьного коридора. Окна вымыты. Двери классов, пол, стены – все сверкает свежей краской и пахнет скипидаром. Сразу видно, что школу подшаманили за лето. Только все одно – тоска. Хм, а я ведь еще помню «школьные годы чудесные», хотя лет сорок прошло с тех пор, когда я последний раз шатался по такому вот коридору. Пялился на ножки сверстниц и молодых училок, курил за углом и ненавидел завуча.

– Давно вы работаете в школе? – продолжаю я светский треп, чтобы отвлечься от лишних пока воспоминаний.

– Семь лет, – отвечает. – Сразу после педучилища.

– И у вас это... с детства?.. Ну... сеять разумное, доброе, вечное?..

– Вы имеете в виду – желание стать педагогом?.. Нет, что вы!.. Я на биофак МГУ поступала, но по конкурсу не прошла...

Ага, значит, она биологичка... Взгляд невольно задержался на выпуклостях ее юбки. Не идет, а пишет. Захотелось слегка шлепнуть, по старой привычке. Нет, может не так понять... Облико морале... По опыту знаю, что с такими дамами нужно тоньше работать, если хочешь добраться до стадии, когда наутро она наденет твою рубашку...

Блин! Да и о чем я сейчас думаю?! Мне надо как-то педагогическую карьеру налаживать, а я в этом «бизнесе» ни в зуб ногой. Отличник с красным дипломом, бляха. Спортсмен, комсомолец и просто...

И просто неудачник. Разве нет? Не мог я в сынка номенклатурщика попасть, ну или в отпрыска знаменитого писателя, например. Сейчас у них спецпаек, госдачи, путевки в санаторий и прочий сервелатный дефицит. А тут начинающий педагог. Но ничего... С низов начинать – не привыкать. Хотя, сейчас профессия учитель в Союзе – очень даже в почете, насколько я помню. Только зарплата меньше раза в два, чем у простого тракториста.

– Слушайте, Людмила Прокофьевна...

Она потянулась ко мне, как подсолнух к солнцу.

– Да, Александр Сергеевич?

– У вас никаких педагогических учебников не завалилось?.. Люблю, знаете ли, освежить свои познания в педагогике...

– Какая требовательность к себе, – с неподдельным уважением произнесла биологичка. – Только после института и снова за учебники... Я вот уже лет пять туда не заглядывала... Посмотрю... Кажется что-то осталось по основам педагогического мастерства, методике внеклассной работы и физическому воспитанию...

– Сгодится! – кивнул я. – Мне забежать к вам за книжками?..

– Нет, ко мне – неудобно, – отрезала она. – Я вам завтра в школу принесу.

Завтра... В школу. Меня даже передернуло от этих слов, от одной мысли, что буду читать теорию педагогики.

– Что с вами, Александр Сергеевич?.. – проявила заботу коллега. – Вам плохо?.. Я бы на вашем месте к врачу ходила. Все-таки головой ударились...

– Морпеху и столб не помеха...

– А вы и в армии служили?..

– Да! – сказал я, и спохватился.

Сколько Сергеичу лет-то? Успел ли он срочную отрубить, учитывая пятерик в институте?.. Надо придерживать себя за язычок, а то настучит блондинка куда следует... Кто ее знает... К счастью, Прокофьевна не стала развивать тему. Мы спустились на первый этаж школы, миновали раздевалку, где дремала на стуле старушка в черном сатиновом халате и цветастом платочке. Вышли на улицу. И здесь меня реально вштырило.

Казалось бы, ничего особенного. Пожелтевшие листья тополей. Асфальтовый пяточок перед немного щербатым крыльцом. Забор из железных прутьев. За забором – воля. Мы вышли на волю и мимо нас пронеслась «Волга». ГАЗ-24. Желтое с шашечками такси. А следом – прогромыхал по рельсам красно-белый трамвай, каких я уже лет пятнадцать не видел. Ну трамвай – ладно. В провинции такие и сейчас еще ползают... Вернее – будут ползать через сорок лет... Рехнуться можно...

Короче, не трамвай даже и не шашечки меня зацепили, а выцветший, некогда кумачовый транспарант, растянутый над проезжей частью: «РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА КПСС ВЫПОЛНИМ!». Елы-палы! Так ведь еще дорогой Леонид Ильич жив! И вновь продолжается бой и сердцу тревожно в груди... Только сейчас до меня стало окончательно доходить, что все это взаправду... И в этом мне придется существовать. Без айфона, Тырнета, отдыха на Бали, отслеживания котировок, заказа на дом пиццы и девочек...

Людмила Прокофьевна посматривала на меня с тревогой, но молчала. Не болтлива. Это хорошо. У меня и впрямь пропала охота языком чесать. Никогда за собой не замечал склонности к самокопанию и прочим соплям... Чувствительные в бизнесе не выживают... Да вот кто сказал, что личность Владимира Юрьевича Данилова полностью заменила личность Александра Сергеевича... как его по фамилии?.. Правда, судя по литым бицепсам, Сашок парень крепкий, но вот что у него там в душе творилось?..

– Ну вот мы почти и пришли, – сказала биологичка, беря меня за локоток и притормаживая у перекрестка. – Мне – направо. А вам – прямо. Красногвардейская тринадцать.

– Спасибо, Люся! – пробормотал я, перехватывая ее прохладные пальчики и целуя их.

Она резко выдернула руку. Огляделась испуганно. Произнесла строго:

– Для вас я пока что Людмила Прокофьевна Ковалева.

– Благодарю вас, товарищ Ковалева!

– До завтра, Александр Сергеевич!.. Книги я захвачу!

Она отвернулась и пошла, постукивая каблучками и покручивая ягодицами. Опять я залип на ее прелести. Блин... Кто знает этого Сашка, когда у него в крайний раз баба была?..

Конечно, с таким торсом и такой физией их должно быть невпроворот, а вдруг он не так воспитан?.. Как говорится – до свадьбы ни-ни... Проводив училку алчным взором, я двинулся через перекресток, благо на допотопном светофоре загорелся зеленый и все, не успевшие миновать «зебру» транспортные средства – мотороллер, самосвал и троллейбус – притормозили.

На углу Ленина и Красногвардейской, где красовалась тусклая вывеска «ПЕЛЬМЕННАЯ», меня вдруг окружило подрастающее поколение. Шесть пацанов, лет четырнадцати, одетых еще хуже взрослых, по крайней мере – тех, которых я успел повидать. Треники с пузырями на коленях, растянутые застиранные олимпийки, кеды. Кудлатые, как дворняги. Глаза наглые. Обветренные губешки кривятся в ухмылках. То и дело сплевывают между зубов, норовя угодить мне на кроссовки.

– Дядь, а дядь, – издевательски процедил один из них – рыжий переросток мордой наглой и хитрой, – закурить не найдется?

Хм, как там у Макаренко, которого я отродясь не читал?..

– Отвали, шкет, – не отыскав в своей молодой памяти более подходящей педагогической формулы, изрек я. – Рак легких неизлечим, усек, Васек?

– Атас! – выкрикнул самый младший пацаненок, указывая замызганным пальцем куда-то позади меня.

И тут я совершил маленькую оплошность, которая прощительна только человеку, еще не свыкшемуся с новым организмом. Я оглянулся, как последний лох. Кто-то из них пихнул меня. А другой рванул с шеи свисток. Миг, и вся ватага кинулась врассыпную. Я остался посреди тротуара, без свистка и возможности хотя бы надрать этому отродью уши. Не говоря уже о более действенных педагогических методах. Да и хрен с ними, невелика потеря. Пришлось махнуть рукой и топтать дальше. А рыжего я запомнил.

Судя по малоэтажности застройки, Литейск городок маленький, на кривой дорожке сойдемся.

Дом тринадцать оказался банальной хрущевкой. Под бетонным козырьком единственного подъезда поблескивала треснутым стеклом вывеска «РАБОЧЕЕ ОБЩЕЖИТИЕ № 8». Вошел в прохладное нутро, отдающее запахом мокрых тряпок и махорки. Поднялся на один лестничный пролет. Открыл стеклянные двери и попал в небольшой вестибюль, перегороденный деревянной стойкой. Перед ней стоял стол, за которым сидела здоровенная тетка, обтянутая неким подобием гимнастерки и в берете на крашенных хною кудрях.

– А-а, пришел, студент! – приветствовала она меня, улыбаясь стальными фиксами. – Забирай свою торбу.

Вахтерша выволокла из-под стола большую, туго набитую сумку, с кривым логотипом «Адидас» – сразу видно, цеховики шили.

– Спасибо! – сказал я и заискивающе улыбнулся. – Не подскажете номер комнаты?

– Уже забыл, студент?

– Не студент – а учитель!

– Ну... учитель... Второй этаж, направо по коридору, комната семнадцать... Ключ-то хоть не потерял?

– Нет!

Я вытащил из кармана ключ, нагретый теплом моего нового могучего тела.

– А то смотри! – пригрозила вахтерша. – Потеряешь, смена замка за твой счет.

Подхватив сумку, я миновал барьер и поднялся на второй этаж, поглядывая на деревянные щиты, обклеенные то ли объявлениями, то ли какими-то пропагандистскими листками – не присматривался. Повернул направо. В длинном коридоре с двойным рядом пронумерованных дверей было тихо. Это и понятно. Разгар рабочего дня. Обитатели вкальвают. Вечером тут начнется. Я нашел дверь с номером семнадцать, намалеванным красной краской на серой филенке.

Открыл. Ключ с трудом провернулся в скважине. То же мне, напугала заменой замка, я его завтра же сам сменю. И ключи никому не дам. Открыл дверь. Заглянул. М-да, не царские хоромы... Комната-пенал. Одно окно. Один стол. Один шкаф. Две железных койки. Одна застелена. Другая зияет панцирной сеткой. Вот жлобы! Это, видать для того, чтобы я никого к себе втихаря не подселил. Скажу, пусть забирают это ржавое уродство. Заработаю, куплю диван. И вообще – сменю всю мебель.

Поставил сумку на стол. Открыл и начал в ней копаться. Та-ак. Шмотки... Джинсы! Левайс. В меру потертые. Ничего, сгодятся. Еще пара кроссов... Судя по пошиву, какие-нибудь гэдээровские. Сойдут. Трусы, майки, носки. Все аккуратно упаковано. Сразу видно, собирала женщина. Интересно – кто? Жена? Наверяд ли. Скорее всего – мама. Пара новеньких рубашек. Куртка кожаная... Не-а, кожзам. На первое время самое то. А это что?.. Конвертик.

Я уселся на койку и вскрыл конверт. Внутри обнаружилась денежная купюра. О, столытник! Насколько я помню, месячная зарплата инженера... Для начала неплохо. Сторублевка была вложена в плотную картонку, а рядом обыкновенный тетрадный листок. Развернул. «Дорогой Сашуля, вот тебе деньги на первое время. Смотри, не транжирь, как обычно. Желаю тебе трудовых успехов. Пиши. Целую. Мама...». Ни в записке, ни на конверте адреса не было. Куда писать-то?! Да и о чем?..

Хрустящая бумажка с портретом Ленина навела меня на мысли о том, что не мешало бы перекусить. Судя по ощущениям, Сашуля с утра не жрал. Где-то тут былапельменная... А потом надо заглянуть в местный гастроном. Надо какой-никакой запас жарочки иметь, впельменные не набегаешься... Кстати, завтра надо бы не забыть узнать, когда зарплата и сколько мне положен тугриков в месяц?.. Сунув столытник в карман, я покинул убогое свое обиталище.

Проходя мимо вахтерши, помахал ей ручкой. И старая кошелка ослабилась.

– Ты куда собрался, учитель?

– Да вот зайду перекусить... А потом – в гастроном...

– С пустыми руками? – удивилась она.

– В смысле?

– Ну продукты куда будешь складывать, интеллигент?

– Пакет возьму, – ляпнул я.

Вахтерша посмотрела на меня как на дурачка.

– Где возьмешь-то? – вздохнула она, выдвинула из своего стола ящик, покопалась в нем и протянула мне какую-то сетку. – На... Только вернуть не забудь!

– Спасибо, – буркнул я, запихивая авоську в карман. – Не забуду.

Надо бы наладить с ней отношения. Подарить ей шоколадку, что ли?.. Я вышел на улицу, добрел до угла, сунулся впельменную. Обеденное время уже прошло, потому в просторном зале было пусто. Кроме меня, из посетителей были только мужичок в обтерханном пиджачке и обвисших на коленях штанцах, да тощая, долговязая девица в брючном костюме болотного цвета и очках на облупленном от загара носике. Они толкали подносы по направляющим из нержавеющей стали, двигаясь к кассе. Я пристроился за девицей.

На бумажке, приклепленной к дощечке, была напечатано меню:

Пельмени мясные – 300 – 0,41

Пельмени запеченные в сметане – 390 – 1.11

Пельмени в омлете – 325 – 1.11

Пельмени таежные – 300 – 0,81

Пельмени «Три богатыря» – 300 – 0,71

Пельмени «Дружба» – 300 – 0,42

Пельмени рыбные – 300 – 0,48

Пельмени рыбные, запеченные в майонезе – 300 – 0,21

Пельмени с капустой свежей – 300 – 0,24

Пельмени с капустой квашенной – 300 – 0,26

Я не сразу врубился, что последние цифры – это цена. А когда допетрил, то почувствовал себя богачом. Можно питаться целый месяц самыми дорогими пельменями два раза в день и уйдет на это всего шестьдесят шесть деревянных! Я взял две порции мясных пельменей, стакан сметаны и пару стаканов компота. Жаль пива здесь не продают... Вышло на рупь, двадцать четыре копейки. Протянул заветный столик скучающей кассирше, белый халат которой был явно тесен, а кружевная наколка на прическе походила на детский кокошник, напряженный взрослой теткой. Кассирша выверилась.

– Ты мне чё суешь-то?! Рубля с мелочью нету?

– По правилам торговли, – спокойно произнес я, хотя мне хотелось украсить ее прическу сметаной, а хамоватое лицо – потеками компота, – вы обязаны дать мне сдачу!

– Людк, а Людк! – заорала она, совсем как в старом фильме. – Он меня еще учить будет! Сопляк!

– Может, в управление торговли позвонить? – наугад брякнул я.

Угроза подействовала. Она быстро пробежала унизанными перстнями пальцами, каждый с добрую сосиску, по клавишам громоздкого кассового аппарата. Тот звякнул и выбросил лоток с деньгами, уткнувшийся в брюхо скандальной работницы советского общепита. Выхватив из моих пальцев купюру, отсчитала бумажки, выгребла горстку мелочи и швырнула все это мне на поднос. Не на того напала. Я нарочито медленно пересчитал сдачу, кивнул, забрал чек и только тогда унес свой обед от этой стервы подальше.

Сначала хотел присоединиться к девице, хотя свободных столиков хватало, но стычка с этой халдой на кассе, немного испортила мне настроение. Что-то я чувствительный какой-то стал, неужели дает о себе знать моя новая физическая сущность? Интересно, Сашка добрым был? Сто пудов...

Я забрался в самый дальний угол, где и принялся поглощать, неожиданно вкусные пельмени, обмакивая их в стакан со сметаной. Как домашние, чуть вилку не откусил. Или действительно блюдо высший класс или просто мои молодые рецепторы вкус по-новому ощущают.

Воспользоваться перечницей, что стояла посередке, вместе с солонкой, я не рискнул. Потому что на стене висела табличка, где красным по белому через трафарет написано: «Пальцы и яйца в солонку не совать».

Аппетит у меня оказался отменный. На сытеющий желудок и мысли приятные набежали. Я опять молод. Впереди вся жизнь... А ведь я смогу преспокойненько дожить до лихих девяностых и начать проворачивать дела. Благо – опыт имеется. Только на этот раз я не пойду в армию. Хватило и в первой жизни. Вот черт! Надо было порыскать в сумке. Должен же там быть паспорт!.. Ну ладно, и без паспорта ясно, что сейчас мне не больше двадцати двух. Значит, в девяносто первом будет чуть больше тридцати. Хотя лучше начать пораньше, чтобы не погрязать в мелких разборках, а сразу ухватить солидный куш!

Как этот городок именуется? Литейск?! Тут наверняка какой-никакой заводик имеется... Вот его бы и прихватизировать. И начинать нужно уже сейчас, когда весь совок еще погружен в сладкую дрему застоя. Кто в восьмидесятые продвигался лучше всего?.. Бодрячки комсомольцы! Следовательно, надо выбросить из головы все эти мысли о фарце. Ежели я подселился в тело этого отличника краснодипломника, он наверняка и по комсомольской линии молодец. Вот и надо подхватить падающее красное знамя.

Определенность намерений всегда повышала мне настроение. Покидав оставшиеся пельмени в желудок и заполировав их компотом, я хотел привычно проигнорировать призыв «ПОМОГИ В РАБОТЕ НАМ, УБЕРИ ПОСУДУ САМ!», что мозолил глаза на противоположной стене, но руки сами сгребли посуду, а ноги понесли к столу с табличкой: «СТОЛ ДЛЯ ГРЯЗНОЙ ПОСУДЫ». Аккуратно все туда составил и покинул невзрачное заведение. Дви-

нулся вдоль улицы Ленина, на которой жила блондинка Ковалева, посматривая по сторонам. И вскоре наткнулся взглядом на вывеску «ГАСТРОНОМ».

Изобилия, какое было... точнее – будет через сорок лет, я не ждал, но и то, что увидел в магазине, оказалось для меня полной неожиданностью. Вдоль всего торгового зала тянулся длинный прилавок, перемежаемый стеклянными витринами. На облицованной кафелем стене, над белыми колпаками на головах продавщиц, красовались таблички: «БАКАЛЕЯ», «МЯСО», «РЫБА», «ХЛЕБО-БУЛОЧНЫЕ» и «КОНДИТЕРСКИЕ ИЗДЕЛИЯ». В крайнем правом углу – «ВИНО-ВОДОЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ» и рядом «ВОДЫ, СОКИ». У «вино-водочного» толпилось больше всего народа. В основном – мужики. От студента до профессора, от инженера до сантехника. Все разномастные, но улыбчивые – предвкушение близкой покупки поднимало им настроение.

Мне там делать было нечего, и я стал изучать содержимое витрин-холодильников. В мясном отделе лежали заиндевевшие мослы, а в рыбном – серые остекленелые тушки, определить отношение которых к морским обитателям можно было только по скукоженным хвостовым плавникам. Ладно, меня это пока не касается. Готовить сам я не собираюсь, а вот закупить разных там консервов, хлеба, печенья и прочей сухомятки – можно. Лучше сразу – побольше, чтобы не бегать сюда каждый день.

И я двинулся вдоль прилавка. Оказалось, что нельзя набрать весь ассортимент и одним махом за все заплатить. Продавщица в каждом отделе выписывала сумму на клочке оберточной бумаги и с этим клочком нужно было становиться в кассу, оплатить, взять чек и только тогда получить товар. Да, с таким мерчендайзингом, в наше время, этот магазин давно бы прогорел. Тем не менее, авоська, которую мне вручила вахтерша, постепенно наполнялась. Я примерился было, чтобы прикупить шоколадку для этой мудрой женщины, как позади меня раздался вкрадчивый голос:

– Гражданин, можно вас на минуточку?

Глава 4

Оборачиваюсь. Милиционер. Фуражка с гербом. Серый китель с красными петлицами. Погоны с широкой продольной полоской цвета канарейки. Взгляд цепкий и неулыбчивый.

– В чем дело, командир? – интересуюсь.

– Старшина Сидоров! – представился он, мазнув кончиками пальцев по полированному козырьку. – Предъявите документы!

– В общаге они, – отвечаю. – Выскочил продуктами затариться.

Вот блин... И чего он ко мне прицепился? Наверное, веду себя не как «абориген».

– Почему так много? – кивает он на мою туго набитую авоську.

– Так завтра же первое сентября, старшина!.. Целый день в школе буду торчать, а вечером, сам понимаешь, не до магазинов будет.

– Учитель?

– Так точно!

– В каком общежитии проживаете?

– Здесь, на Красногвардейской... Номер восемь.

– А в школе какой работаете?

В средней – хотел сказать я, но со стражами порядка шутки плохи. А положить ему на погоны по хрустящей бумажке обстановка не позволяет. Да и не особо брали взятки в советской милиции. По крайней мере, меньше, чем в полиции.

– Знаешь, старшина, я только вчера приехал. В суматохе даже номер школы не запомнил... Директор там Пал Палыч...

– А-а, товарищ Разуваев! – обрадовался мент. – Знаю, как же... Мой Сенька у него учится... Ясно. Можете идти, товарищ учитель. Если только недавно в город прибыли, то лучше в следующий раз не забывайте документики!

– Постараюсь, – буркнул я.

Он снова откозырял и направился к очереди у вино-водочного. Я выдохнул. За кого он меня принял? За – спекулянта?.. Не просто же так остановил. Может, рожа у меня не вписывается в социалистический антураж?

Купив шоколадку, я поспешил в общагу. Хватит с меня сегодня сощдействительности. У барьера за столом тетки не оказалось. Теперь там восседал хмурый мужик в ватнике. По виду – сантехник, но не факт. Увидев меня, он зевнул и почесал небритый подбородок. И ничего не спросил. И слава труду! Не хватало еще перед этим отчитываться. Я втащил авоську на второй этаж.

В комнате я первым делом кинулся искать документы. Они оказались во внутреннем кармане куртки из кожзама. Вынул. Заглянул в паспорт. И выяснил следующее. Во-первых, фамилия у нас с Сашком одинаковая – мы оба Даниловы. И то хлеб... Может – родственники?.. Переселение в родственное тело казалось более правдоподобным. Но нет, не припомню таких родственничков. Ладно... Дата рождения... Пятнадцатое мая одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмого... Так и есть Саньку, то бишь, мне двадцать два года... Место рождения город Тюмень... О как! Я, значит, сибиряк. Национальность указана – русский. Прописка... Ага, вот куда надо маме писать...

Еще корочки. Ух ты! Кандидат в мастера спорта. Самбо. Хм, не хило... Правда, я в предыдущей жизни дошел только до первого разряда. Ну да ничего. Рефлексы у Сашка небось сохранились... Еще документ... Комсомольский билет... Взносы уплачены, вплоть до августа текущего года. Аккуратный малый, хвалю. Что там еще должно быть у советского гражданина?.. Военный билет? Ага, вот он... Что написал товарищ военком?.. Лейтенант запаса.

Не служил. Военная кафедра, значит... Что еще?.. Трудовая и диплом... Эти я не нашел, но скорее всего Санек отволок их к своему нынешнему работодателю. Завтра уточню.

Развесив и разложив одежонку в шкафу, я отправился выяснять, как здесь насчет удобств. Ну, конечно, сортир, душ – общие на этаже. Отвык я от такого сервиса, но придется привыкать. Заглянул на кухню. Несколько газовых плит марки «Лысьва» выстроились вдоль стены. Напротив – мойки с кранами. На плите чайники и кастрюли. Общие, надо полагать. Хорошо бы своими обзавестись. Я набрал воды из-под крана в один из чайников, водрузил на плиту. Хлоп. Спичек-то нет! А до плит с электророзжигом еще лет тридцать... Кинулся на первый этаж, где мужик в ватнике сидел. К счастью, тот оказался на месте.

– Слушай, отец! У тебя огонька не найдется?

– А у тебя – закурить? – хрипло переспросил мужик.

– Не курю.

– Ладно, – он порылся в карманах. – На... Тока верни!

Протянул коробок с изображением какой-то травки и заголовком: «Лекарственные растения». Ниже текст: «Фабрика „Сибирь“ г. Томск ц.1к.»

– Да я мигом!

Вернувшись на кухню, я увидел пустой коробок, который не заметил раньше. Переложив в него горстку спичек, остальные вернул хозяину. Вскоре я уже снова был у себя в комнате, попивая чаек. Как ни странно, в моих апартаментах оказался заварочный чайник, чашки и другая посуда. Пришлось заварить «Грузинский» – ничего лучше в гастрономе не нашлось. Как не было и более привычного мне чая в пакетиках. Заварка отдавала травой и по цвету мало напоминала чай. Похрустев «Юбилейным» печеньем и запив его этой бледно-желтой жидкостью, я ощутил сонливость и повалился на койку, подремать.

Подремал! Меня разбудил гвалт за дверь. Громоподобные шаги, мат-перемат, металлический лязг. В окно сочился жиденький свет, хотя когда я лег прикорнуть, уже смеркалось. Схватил часы «Слава», которые накануне снял с запястья. Без пятнадцати девять! Мать твою! Утро уже, проспал! Кинулся к столу, куда вчера сунул пластиковый кулек с умывальными принадлежностями. Выскочил в коридор. Затем в умывальню. Кое-как умылся и почистил зубы. Потом назад, в комнату – переодеваться.

Зря я весь прошлый день таскался в спортивном костюме. Тот провонял потом. Среди запасов одежды в «адидасовской» сумке, я еще вчера наткнулся на треники и футболку с эмблемой «Спартак». Подумал, что с Шуриком мы в этом точно не совпадаем. Я всю жизнь болел за московское «Динамо». В общем – решил взять с собой, вместе с восточногерманскими кроссовками на сменку. А пока что натянул джинсы, свежую рубашку и куртку. Рассовал по карманам документы и деньги, подхватил сумку и отправился на работу.

К началу торжественной линейки я все же поспел. Во дворе школы толпился народ. Первоклашки с доморощенными гладиолусами и астрами. Волнующиеся родители. Старшеклассники, покуривающие втихаря. Отдельной кучкой – преподаватели. Пал Палыч, увидев меня, укоризненно покачал головой. Понятно, учителю полагается приходить как минимум на полчаса раньше. Самое смешное, что мне на мгновение стало стыдно. Вернее – не мне, а Саньку, который в каком-то смысле все еще присутствовал в моей душе, но когда я наткнулся на ледяной взор Шапокляк, стыд улетучился.

А вот Людмила Прокофьевна мне явно обрадовалась. Помахала ручкой. Ее пухлогубая коллега, которая сменила белую кофточку на розовую, осуждающе фыркнула. И отвернулась. Неужто – ревнует! Уже! Интересно девки пляшут... Винни-Пух бледно улыбнулся мне и кивнул. Он о чем-то трепался с мужичком, которого я вчера то ли не заметил, то ли он не присутствовал при моем падении. Длинный. Высокий лоб с залысинами. Прямой нос. Губы тонкие. Подбородок с ямочкой. Кальтенбруннер из «Семнадцати мгновений»... Эту мысль я не успел додумать. Меня окликнули:

– Александр Сергеевич, есть разговор...

Я оглянулся. Это был вчерашний вельветовый гусар в шлюпочных башмаках. Только сейчас на нем был более приличный пиджак. Видимо, импортный. Смотрит на меня, как на партизан на нациста, хотя и улыбается.

– Чем обязан? – высокомерно осведомился я, уловив недоброжелательный посыл.

Ощувив холодок в моих словах, военрук сразу перешел к делу. Приблизившись вплотную, он процедил сквозь зубы:

– Я, гляжу, ты на Люську глаз положил, сопляк?..

И подбросив на ладони здоровенный советский пятак, военрук ухватил его между большим и указательным пальцем и... согнул.

– Смотри мне! Так и с тобой будет! – пообещал гусар, вручая мне изуродованную монету.

– Нехорошо портить денежные средства, – откликнулся я, возвращая ему пятак.

Разогнутый. Военрук удивился и окатил меня ненавидящим взглядом, от которого я должен был то ли испариться, то ли – замерзнуть.

– Товарищи-товарищи! – громко произнес директор. – Через пять минут мы начинаем! – И, понизив голос, продолжил: – Александр Сергеевич, вы почему опоздали?..

– Так у меня будильника нет, – честно признался я, но ему уже было не до меня.

– Товарищи, вы не видели Виктора Сергеевича? – всполошился Разуваев. – А то наш транспарант скоро совсем оторвется!

И он показал на криво натянутое полотнище, на котором белым по красному было выведено: «УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И УЧИТЬСЯ!». В этот момент из-за угла школьного здания показался мужичонка, с трудом волокущий высокую, обляпанную краской и побелкой стремянку. Мужика шатало. Я сразу понял, что – не от тяжести вовсе. Видимо, это и был Виктор Сергеевич. Он поставил стремянку под козырьком, что торчал над парадным входом, и начал на нее карабкаться. Плохо раздвинутая лестница заходила ходуном.

– Э-э, мужик, грохнешься! – невольно вырвалось у меня.

Тот лишь отмахнулся, и от этого движения стремянка накренилась так, что Виктор Сергеевич с нее сорвался. Хорошо хоть, что у Шурика Данилова реакция, точно у Брюса Ли. Я и сам не заметил, как очутился рядом и подхватил его на руки. Благо – костлявый и легкий, как голубь. Придав ему относительно вертикальное положение, я увидел горлышко мерзавчика, торчащее из кармана его сатинового халата. Как только бутылка не выскользнула из кармана, когда ее обладатель решил изобразить Гагарина?

– Это что такое, Виктор Сергеевич! – зашипела Шапокляк и двинулась в нашу сторону.

Раздумывать было некогда. Я выдернул мерзавчик у мужичка из кармана и сунул в свой.

– Слушай, Сергеич, – шепнул я ему на ухо. – Шел бы ты отсюда, куда тебя завучиха не сожрала с потрохами. Ты ж бухой...

Поддатого долго уговаривать не пришлось. Виляя из стороны в сторону, словно заяц, удирающий от охотника, Виктор Сергеевич опять скрылся за углом. Я пошире расставил стремянку и залез на нее сам. Покуда я натягивал полотнище с наглядной агитацией и вязал узлы на шнурах, подо мною шел диалог.

– Вот видите, Эвелина Ардалионовна, – пробасил директор, – какой он молодец, наш новый физкультурник. И трудовика спас, и транспарант сам полез закреплять.

– А какой у него лексикон! – возмущалась Шапокляк. – Вы помните, что он вчера гордился?.. «Господа», «пухлый»... Петра Николаевича за щеки хватал!

– Ударился человек головой, бывает... – возразил Пал Палыч. – А вот сегодня он – герой!

– Да! – взвыла завуч. – А что это у него из кармана торчит, вы видите!.. Первого сентября! В школу!

– О чем это вы, Эвелина Ардалионовна? – искренне возмущился я, стараясь не картавить, выговаривая ее отчество. – Может, у меня что-нибудь и торчит, но точно не из кармана.

Я уже спустился и ловко зашвырнул бутылку в кусты.

– Вы слышите, Пал Палыч! – надрывно возвала к ухмыляющемуся в чапаевские усы директору. – Принес в школу алкоголь, да еще и хамит!.. Сейчас я предъявлю вам доказательства!

И она полезла за доказательствами. Займись этим биологичка, я бы любовался сей восхитительной мизансценой, но отключенный зад завучихи не вызывал эстетического восторга. К тому же директор школы решительно пресек ее поползновения.

– Вы с ума сошли, Эвелина Ардалионовна! – воскликнул он. – Линейка начинается!

И зашагал к ступенькам школьного крыльца, над которым по-прежнему криво, несмотря на все мои старания, висел плохо натянутый транспарант, призывающий непрерывно пополнять знания.

Учителя, большинство из которых я не знал ни по имени, ни по специальности, выстроились в шеренгу. Справа от меня оказалась биологичка, а слева пухлогубая. Они словно взяли меня под охрану. Или – под опеку. Ну как же, с начинающим педагогом просто необходимо поделиться опытом. То да сё...

Зря военрук пятаки портит. Людмила Прокофьевна Ковалева дама в высшей степени призывная, но даже в здешней учительской она не единственная с кем можно бы заняться... гм... передачей опыта. Пухлогубая, если ее приодеть, а еще лучше, раздеть, тоже сгодится. Да и вот та дамочка справа, одетая совершенно неуместно для здешней локации и времени – это что? Косуха на ней? Неформалка какая-то... Я смотрю с дресс-кодом в школе не особо парятся, провинция все же. Девушка вида немного андеграундного. Хоть и не в теле, но наверняка поддерживает веяния сексуальной революции. Тем более, что из мужичков в коллективе соперничать за женское внимание могут только двое, включая меня.

А между тем линейка началась. Пал Палыч развел торжественную бодягу про заботу партии, правительства и лично Леонида Ильича Брежнева о подрастающем поколении, о том, что и в нашем районе лично товарищ Степанов, председатель горисполкома, помог с ремонтом школы... аплодисменты товарищи... что наши славные ударники труда и передовики производства надеются, что в этих стенах подрастает им достойная смена. Потом он перешел к необходимости учиться, учиться и учиться, как завещал Великий Ленин, как требует коммунистическая партия...

После его речуги выступила какая-то начальница из городского отдела народного образования. Когда она заткнулась, на ступеньки поднялась милая кроха с косичками. Срывающимся от волнения голосом она пропищала стихи о Ленине, запинаясь и путая слова. Пал Палыч махнул рукой и из нестройной толпы старшеклассников выдвинулся здоровенный парень, на верхней губе которого уже чернели усики. Он вручил мелкой чтице медный колокольчик с бантиком, подхватил ее, как пушинку, и понес по кругу.

Девчушка отчаянно трясла колокольчиком, и под этот трезвон, из строя учителей вышли четыре женщины и повели, построенных в каре первоклашек в школу. На чем торжественная линейка по случаю Дня Знаний, который пока что не был государственным праздником, завершилась. Не знаю, то ли сказала чувствительная натура Сашка Данилова, то ли меня самого проняло, но что-то дрогнуло в моей задубелой душе прожженного коммерсанта, никогда не брезговавшего грязными делишками.

Мне вспомнился точно такой же день, много-много лет назад, когда меня, десятиклассника, выбрали нести на плече вот такую же первоклашку с колокольчиком. Я сначала отказывался. Боялся, что одноклассники насмеяться станут, да и Лариска Попова не захочет со мною в кино пойти, но потом разозлился. Черт с ними, с дураками! Пусть ржут! А Попова, хоть и смазливая, дура дурой. Я ее на «Солярис» позвал, а она – а чё это за кино, про любовь? И решил, что подниму эту малявку, для которой такое поручение важнее всего на свете, и пронесу ее с колокольчиком так, что все вокруг зарыдают.

Не знаю, зарыдали или нет, но в классе на меня стали смотреть по-другому. Да и сам я почувствовал себя иным человеком. Сильным, уверенным в себе. Как мне потом это все пригодилось. И в училище, когда старшекурсники гнобили нас, салажат. И в гарнизоне, где полкана хлебом не корми, дай над молодым курсантом поизмываться. И в Чечне, когда мою роту духи зажали в ущелье и стали крошить из минометов. И потом – на стрелках, когда солнцевские думали, что у нас можно без проблем отжать рынок.

Правда, сейчас все эти воспоминания казались мне чужими. Да ведь ничего этого и не было. И уже точно не будет. Не знаю, как повернется моя вторая жизнь, но прежними тропками я не пойду. Это ж каким надо было быть идиотом, чтобы выжить в штурме Грозного и получить пулю в башку от голой шлюхи, нанятой такими же уродами, каких мы выкуривали из городов и аулов Северного Кавказа!.. Нет. Хватит с меня. Бог или судьба – кто во что верит – не просто так дают шанс прожить жизнь заново.

Конечно, я знаю, что ждет эту страну и этих людей – больших и пока маленьких – впереди. Все, во что они верили, все их мечты и надежды пойдут прахом. Их обманет – и не единожды – власть, у них отнимут их накопления и уведут даже ту жалкую собственность, которая у них останется после всех дефолтов и кризисов. Многие исчезнут физически в межнациональных конфликтах, терактах и бандитских разборках. А кто-то – от преждевременных инсультов и инфарктов.

Я все это знаю и помешать этому не могу. Только в глупых книжонках пишут о том, как студент из Задрищенского колледжа попадает в сталинские или брежневские времена, с айфоном и ноутбуком, и спасает СССР от распада. В реальности такой деятель сгинул бы или в лагере, или в психушке. А если бы ему и удалось убедить какого-нибудь вождя прислушаться к его пророчествам, то слишком велика инерция исторических процессов, чтобы их можно было запросто развернуть в другом направлении...

– Александр Сергеевич! – прервал мои высокоученые размышления директор. – Вам что, особое приглашение нужно?

– Да, простите, Пал Палыч, – пробормотал я. – Задумался... Уж очень мне линейка понравилась...

– Не ожидал! – удивился Разуваев. – Молодежь нынче пропитана цинизмом... Впрочем, об этом после... У вас первым уроком классный час... Извините, не могу вам выделить свободный кабинет. Так что придется провести его в спортзале.

– Ничего! – отмахнулся я. – Заодно посмотрю, в какой форме мои второгодники.

– Ну... с Богом! – не слишком по-советски напутствовал меня Разуваев. – Надеюсь, у вас самого форма имеется? Нельзя же проводить урок в заграничных штанах.

Директор покосился на мои джинсы.

– Имеется! – Я хлопнул по сумке.

– Тогда поспешайте, через три минуты звонок.

Я вошел в школьный вестибюль, запруженный учащимися. Повертел головой и увидел в дальнем конце коридора вход в спортзал. А рядом – дверь спортивной раздевалки. Войдя, я сразу наткнулся на давешнего знакомого. Блеснув рыжими нестриженными патлами, он повернулся ко мне и что-то быстро спрятал за спину.

– А ну иди сюда, – притянул я за ухо подростка и поставил перед собой. – Свисток на базу!

Глава 5

Рыжий потер ухо и попытался пойти в отказ – я, не я и лошадь не моя – но не на того напал.

– Не отдашь, – говорю, – сбегаешь за родителями... У тебя отец кто?..

Смотрю – побледнел, замотал головой. Ну я его и дожал:

– Ну и молчи, найду в учительскую и узнаю.

Он испугался еще сильнее. Сунул свободную руку в карман, вынул свисток. Протянул мне. А другую руку все так же за спиной прячет.

– А что ты тут после звонка делаешь? – интересуюсь. – Если мелочь по карманам тыришь, то я сейчас расскажу об этом классу. Как думаешь? Понравится такое пацанам?

По его глазам было видно, что он хорошо представляет процесс общественно осуждения. Вынул руку из-за спины и протянул мне... пачку сигарет. Сто лет таких не видал. «Родопи». Кажется – болгарские. Взял их у него, сунул в карман.

– А спички есть?

Рыжий помотал огненной шевелюрой.

– Ладно, шуруй в класс... То есть – в спортзал. Построй там всех. Я скоро.

Он кинулся к двери, что связывала раздевалку со спортзалом. Была здесь и еще одна дверь. Заглянул туда. Длинный стол, золотистые и серебристые кубки на полках. Грамоты и вымпелы на стенах. Плакат с девушкой, которая копье метает. Под мужеподобным ее торсом надпись: «Молодежь – на стадионы!»

Похоже – тренерская. Стало быть, моя нынешняя вотчина. Чего без замка-то?.. Надо завхозу сказать, пусть врежет. Я кинул сумку на стол и принялся переодеваться, лихорадочно соображая, как я этот самый классный час буду проводить? Помню что-то смутное из детства. Кажется, надо говорить о роли партии, о достижениях в народном хозяйстве, о всесоюзном слете пионеров и международном положении. Ничего этого я, конечно, не помню. А нет, вру... Помню, что Высоцкий умер, буквально чуть больше месяца назад, получается. Но тема не для классного часа. Уважал я Владимира Семеновича. В голое пропел хриплый грустный голос: «Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее».

Глянуть бы в библиотеке кое-какую инфу по политической и общественной обстановке в целом. А то коснись чего, я ведь даже не знаю, кто сейчас министр образования, а как педагог, обязан, наверное, в курсе быть. А еще лучше – в Википедии посмотреть. Да только где она, эта Википедия, вместе с Интернетом и разными гаджетами?..

Переодевшись, я нашел в выдвижном ящике стола шнурок, пропустил его через проушину в свистке, завязал и повесил на шею. Теперь можно было приступить к педагогической деятельности, будь она неладна. И я приступил. Едва за мною закрылась дверь спортзала, в нем воцарилась тишина. Ненадолго. Хрен там, рыжий построил всю эту шоблу. Одного беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять – в моем классе одни пацаны. Они-то и производили шум, напоминающий гвалт на базаре. И этот базар пора было прекратить. Зря, я что ли в армии служил?

– Кла-асс! В одну шеренгу ста-ановись!

М-да, это хуже солдат-первогодков. Допризывники, мать их... Куда смотрит этот хлыщ, военрук?! Хотя ясно – куда. На задницу биологички. Лучше бы занимался своим непосредственными обязанностями. Ну вот, что это за будущие солдаты? Вместо того, чтобы выстроиться по росту, они начали метаться по всему залу, как стало баранов, толкая друг дружку и осыпая тумакими тех, кто послабее. Причем сразу было видно, что некоторым эта суматоха попросту доставляет удовольствие. Особенно – рыжему. Наконец, они кое-как построились.

– Итак, будем знакомы! – сказал я. – Меня зовут Данилов Александр Сергеевич. Я теперь не только ваш новый учитель физкультуры, но и классный руководитель... А теперь мы узнаем, как зовут вас...

– Василий Иванович Чапаев! – выкрикнул один из них, самый рослый, с круглым и плоским, как непропеченный блин, лицом.

И вся кодла заржала, как табун. Ладно, жеребцы, вы у меня сейчас попляшете.

– Чапаев, выйти из строя! – скомандовал я. – Смирно!

Кривляясь, тот вышел на два шага вперед, вызвав новую волну хохота.

– Упор лежа принять! Отжаться тридцать раз. Выполнять!

К сожалению, моему молодому голосу не хватило грубости, связки-то не прокурены, и жизнью не закаленные. На высоких тонах он норовил сорваться на фальцет и когда дал петуха, класс снова заржал. А «Чапаев» и не думал отжиматься. Он возился на полу, приподнимая то голову, то зад – еще больше веселя всю эту малолетнюю гопоту. Комик, блин.

Пацаны реально приняли за молоденького учителя, но я ж не такой... Ноги сами понесли к строю сорванцов, а левая рука сама надавала подзатыльников самым ярым хохотунчикам. Правую не стал использовать, тяжелая она у меня, что в той, что в этой жизни. Мой непедagogический приемчик сработал лучше всяких убеждений и нравочений. Класс вмиг затих, а я направился к лежащему на полу «Чапаеву». Настал его черед. В это время кто-то швырнул мне в спину мяч. Пацаны снова заржали. Смеялись уже те, кто не огреб подзатыльников. Ну, ничего, подзатыльников мне не жалко. На всех хватит. Я поднял с пола «Чапаева» прямо за ухо, и уже готов был снова наводить репрессии, но общий гвалт вдруг перекрыл высокий, пронзительный голос, напоминающий визг циркулярки.

– Это что еще за безобразие!

Все эти второгодники мгновенно заткнулись. Даже «Чапаев» вытянулся в струнку – моёгёт, значит! Я отпустил его ухо и, поморщившись, оглянулся. Мои худшие предположения оправдались. Так и есть – в спортзал вползла Эвелина Ардалионовна. Она прошествовала на середину, стуча каблуками по доскам пола, размеченного под баскетбольную площадку. И каждый стук отзывался в моей нижней челюсти, как жужжание бормашины. Она поравнялась со мною и протянула плоскую то ли тетрадь, то ли книгу большого формата. Я взял ее, ощущая шершавость картонной обложки, не зная, какую еще подлянку мне уготовила судьба.

– Вы не взяли классный журнал, Александр Сергеевич! – укоризненно произнесла завучиха, развернулась и постучала каблуками к выходу.

Удивительно, но гробовая тишина сохранилась и после того, как за Шапокляк закрылась дверь. Я машинально раскрыл журнал. И первым делом увидел список фамилий учеников восьмого «Г». «Гэ» оно и есть «гэ»... И вдруг меня осенило. Я понял, что Ардалионовна вручила мне оружие. Всякий урок начинается с переклички. Шурик Данилов, как отличник, наверняка знал это назубок, а вот я нет. Эти оторвы поняли, что я не знаю ни их имен, ни «заслуг» и попытались надо мною куражиться. Сейчас им придется туго. Я повел пальцем по списку, хотя понятно, что начинать надо с буквы «А».

– Можешь вернуться в строй, малыш, – сказал я «Чапаеву».

В строю хихикнули, но другие весельчака не поддержали. И я начал перекличку:

– Абрикосов!

– Я! – отозвался самый мелкий шкет, лопухий и конопатый, но при этом – не рыжий, а скорее белобрысый.

– Борисов!

– Здесь, – буркнул самый толстый.

– Веретенников!

– Тута! – осклабился чернявый живчик.

– Григорьев!

- Болеет, – сообщил конопатый Абрикосов.
- Первого сентября и болеет? – удивился я. – Нашел время...
- У него ветрянка...
- Ясно... Идем дальше... Доронин!
- А как же! – откликнулся «Чапаев».

Я уже начал опасаться, что в этой сборной второгодников и тунеядцев окажется по гаврику на каждую букву, но на Доронине система сломалась. За ним последовал Журкин, потом Зимин и Ильин, следом Капитонов, Константинов, Кривцов, дальше – Макаров, Митрохин, Могильников, Морозов, Отрыжкин. Сидоров. На эту фамилию отозвался рыжий. И сделал он это крайне неохотно. Неужто надеялся остаться для меня анонимом?.. Сидоров, Сидоров... Где-то я уже слышал эту фамилию, причем – уже в этой жизни... Я посмотрел имя и отчество любителя тырить у физруков свистки. Арсений Кириллович... Арсений... Сенька!

- Кем работает твой отец, Сидоров?
- Слесарем, – пробурчал тот.
- Неправда, Арсений Кириллович, – ласково произнес я. – Твой папа старшина милиции... Верно?

Я вспомнил того милиционера, что остановил меня в гастрономе. Он про сына упомянул, что тот учится в моей школе. После моего вопроса огненная шевелюра Сеньки потускнела по сравнению с румянцем на щеках. По спортзалу прокатился гул, в котором слышалось презрение. Рыжий совсем сник. Он явно стеснялся профессии своего папаши в кругу хулиганов и, видимо, скрывал ее от одноклассников. Не удивительно. У этой малолетней шпаны в чести другие специальности. Я не стал дальше мучить Сидорова. Это сделают его подельники... А я принялся перечислять дальше: Тетерников, Трушкин, Ульянов, Уткин, Фазиев, Фирсов, Холодов, Шаров, Щукин, Якушин. Всего двадцать семь душ. Из них пятеро отсутствовали. Уф... Выдохся, проводя переключку. Взглянул на часы. После звонка прошло всего двадцать минут.

– Вот что, граждане бандиты, – сказал я. – Не стану я рассказывать вам о международном положении. Надо будет в Интер... Телек посмотрите... Я сейчас отлучусь, а вы можете делать, что хотите, но, чтобы ни одного рыла не появлялось за пределами спортзала. До звонка! Ясно? Кого поймаю за пределами спортзала, пока урок идет – уши оборву.

Школота завопила «Ура!». Почуяли дух свободы, это ж надо, какое счастье-то привалило – не надо слушать унылые политические постулаты. И, похоже, как учитель, я слегка подрос в глазах пацанов. Можно было счесть педагогический дебют состоявшимся, но я решил еще кое-что добавить:

– И еще! – повысил я голос, и шум стих. – Я в ваши дела лезть не собираюсь, но и вы мне отчетность не портите... Я вас до конца года дотяну и в ПТУ выпну. А вы дальше как хотите! Понятно?

Они нестройно отозвались, что понятно. Этим я и удовлетворился. Тем более, что мне дьявольски захотелось покурить. Именно – мне, а не Саньке Данилову – комсомольцу и спортсмену. Пачка «Родопи», что валялась в тренерской, манила меня, как бутылка односолодового виски в моем рабочем кабинете, в девяностых... Вернее – будет манить... Или уже не будет?.. Черт ногу сломит с этими временными парадоксами... Я же не Уэллс с Брэдбери, чтобы разбираться во всей этой хрени.

– Эй, ни у кого огонька не найдется? – обратился я к своим подопечным, которые не могли дожидаться, куда я уберусь.

Они начали опасливо переглядываться. Не подвох ли? Наконец, из строя вышел чернявый, ухмыляясь, сунул мне в руку коробок.

– После уроков отдам, – пообещал я.

Веретенников хмыкнул, но в глазах его мелькнуло уважение. Я покинул спортзал, стараясь не думать о том, что там сейчас начнется. В конце концов, какое мне дело? По физре я

их гонять буду, наверное, а по другим предметам пусть у других преподав башка трещит. Я не просил меня классным делать. Впрочем, в одна тыща девятьсот восьмидесятый я тоже не просил меня перебрасывать... Из дохлого почти старика в молодого живого парня... Высшие силы распорядились... Однако, кто сказал, что мое высшее предназначение недорослям сопли вытирать? Может, я какое-нибудь важное открытие сделаю или еще что...

В тренерской, я уселся на стул, хотел было закинуть ноги на столешницу, заваленную журнальчиками «Физкультура и спорт» и газетками «Советский спорт», но вспомнил, что Санек аккурат перед моим в его мощном теле появлении со стула навернулся, и передумал.

А ну как обратный переход совершится?.. Шурка снова в свои бицепсы, а я... скорее всего – в морг. Ну или – в могилку, если мой хладный прах уже успели упокоить на скорбном кладбище... Меня передернуло так, что я спешно вытряхнул из пачки «родопину», сунул фильтром в губы, чиркнул спичкой, подпалил...

Не успел толком затянуться. Легкие обожгло болью. Я закашлялся – сигарета ракетой вылетела у меня из пасти... Блин! Санек-то был некурящим!.. Выходит, и этого удовольствия из прошлой жизни я лишился... Несколько минут я сидел, угрюмо уставясь на грудь спортивной прессы... Паршиво вдруг на душе стало... Совершенно не к месту начал думать о том, что я-то жив, а вот Сашка Данилов, ежели со мною обменялся, увы... Ему-то за что такое наказание?.. Ладно я, Владимир Юрьевич, был человеком грешным, хоть и не верующим, но в его-то юной комсомольской жизни, наверняка, ни пятнышка!

В церковь сходить что ли? Свечку поставить за упокой... Нельзя! Испорчу карьеру... Может, как-то по комсомольско-партийной линии?.. Что за чушь лезет в голову!.. Ты еще комсоргу сходи на исповедь... Накликал. Скрипнула дверь – блин, надо хотя бы внутреннюю щеколду приделать – и в тренерской появилось создание, которого я прежде в этом богоугодном заведении не встречал, а на линейке не заметил... А девочка ничего себе... Ладненькая... Лет девятнадцати, хотя и в пионерском галстуке... Пионервожатая, видимо...

– Что вы себя позволяете?! – сходу накинулась она на меня.

– А в чем дело?

– Табаком пахнет и окурки свежие на полу!

О, хосспади!.. Это что, юная версия Шапокляк?.. С такими-то глазками и такими грудками?!

– А вы что, из уголовного розыска? – осведомился я.

Она осеклась. Спросила:

– С чего вы решили?

– Ну как же?.. – протянул я. – Дым унюхали... В свежести окурков разбираетесь... Кстати, об окурках... – Я неторопливо поднялся, подошел к ней, наклонился, чтобы подобрать злосчастную «родопину», и начал медленно разгибаться, скользя взглядом по безупречной стройности ножек. – Если вы столь же проницательны, как Шерлок Холмс, то должны были заметить, что сигарета только-только была подкурена и почти сразу погашена.

Я повертел головой, не зная, куда деть окурки – ни пепельницы, ни мусорной корзины – и, за не имением лучшего, зашвырнул в первый попавшийся кубок.

– Да вы, да вы... – заикаясь от возмущения, пропищала пионервожатая и затараторила: – Задачи физического воспитания, которые ставит перед комсомолом наша родная коммунистическая партия, являются неотъемлемой частью общих задач построения коммунизма...

– Так ведь коммунизм уже построен, – парировал я.

– Как это? – опешила она.

– А так... На двадцать втором съезде коммунистической партии, в своем докладе товарищ первый секретарь, Хрущев Никита Сергеевич, в частности сказал: «Уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме...».

– Хрущев был снят за волюнтаризм, – отважно возразила девчушка.

– Хрущев был снят, а партия?..

– Что – партия?

– В одна тысяча девятьсот шестьдесят первом году партия приняла программу построения коммунизма на двадцать лет, значит в следующем, тысяча девятьсот восемьдесят первом, в нашей стране будет бесклассовое общество, предполагающее упразднение государственных институтов...

Честно говоря, не знаю, зачем я все это нес?.. Вспомнились занятия по политической подготовке в училище, но на эту девицу мои слова подействовали несколько неожиданно.

– Вы тоже верите, что скоро в ЭСЭСЭР будет построен коммунизм? – спросила она, вся сияя.

Пропала моя ирония втуне. Ну и ладно. Главное – что девочка счастлива.

– Кстати, вас как зовут?

– Егорова, Серафима Терентьевна... – ответила она. – Я старшая пионервожатая школы... Кстати, Александр Сергеевич. Вы хоть знаете, что творится в вверенном вам спортивном зале?

– А-а, ну знаю, конечно... – попытался отмазаться я. – Самостоятельные... эти, как их... упражнения... Самоподготовка, в общем.

– Да там такой гам стоит, что даже тетя Глаша у себя в гардеробной услышала бы, не будь она глуховата... А я вот услышала и пришла вас предупредить. Ведь если узнает Эвелина Ардалионовна, сами понимаете...

– Понятно! – сказал я. – Пойдемте, посмотрим.

– Пойдемте!

И мы, плечом к плечу, как полагается строителям коммунизма, двинулись в спортзал. Увиденное могло ошарашить и более опытного педагога. Плиты потолка поддерживались металлическими фермами. И вот эти шалопаи умудрились засандалить туда баскетбольный мяч. Он застрял между двумя уголками и достать его теперь можно было разве со стремянки Виктора Сергеевича, да и то – при помощи швабры тети Глаши. Мои подопечные второгодники внедрили свое ноу-хау. Они разули весь класс. И теперь «Чапаев», взгромоздившись на «козла» швырял кеды, пытаясь выбить мяч из ловушки.

Чаще всего он промахивался, а когда попадал, то вбивал мячик еще плотнее. С радостным ором, одноклассники подносили ему «снаряды». А в сторонке стояло несколько человек и молча наблюдали. Я сразу их срисовал. Неформальные лидеры. Веретенников. Макаров. Зимин. И чуть поодаль – невеселый Сидоров. Рыжий. Видимо, еще не изгнанный из вождей класса, но куда и не прощенный за бату мента. В этот момент грянул звонок. И все второгодники, не зависимо от места в иерархии, рванули в раздевалку. Владельцы кед на ходу выхватывали из общей кучи «снарядов» свои.

Я схватил за плечо чернявого, вернул ему спичечный коробок и отпустил. Через минуту мы остались одни с Серафимой Терентьевной, которая тут же затараторила:

– Вот видите, какие они талантливые!.. А ведь никто в них не верит. Вся школа открестилась. Пал Палыч почему вам этот экспериментальный класс передал?.. От отчаяния! Он полагает, что вы спортсмен, отличник учебы, комсомолец – должны справиться!.. Я их тоже не могу бросить. Они же все мои, пионеры. А в этом учебном году им в комсомол вступать. И надо чтобы все вступили, понимаете?!

– Понимаю, – кивнул я. – Знаете что, Сима, помогите мне.

– Чем помочь?.. По линии – комитета комсомола школы?..

– Нет... То есть, по линии – тоже... Но вот сейчас вы будете мне подавать баскетбольные мячи.

Я сдернул со стопки матов самый верхний и подтащил его к «козлу». Разулся и запрыгнул на него. Старшая пионервожатая подала мне тяжелый баскетбольный мяч – не из тех ли, кото-

рые должен был закупить Шурик Данилов? Я размахнулся и что есть силы запустил его, метя в застрявшего собрата. И тут случился казус. От замаха я потерял равновесие и опрокинулся на спину. И ладно бы только сам. Пытаясь выравняться, я всплеснул руками и, падая, сшиб Симу, которая торчала позади. Мы оба повалились на мат, Сима рефлекторно схватилась за меня, а я за нее, и вот этот самый момент, как гром с ясного неба раздался голос вездесущей Шапокляк.

– Так вот чем вы здесь занимаетесь!

Глава 6

Мы с Симой вскочили, как ошпаренные.

– Эвелина Ардалионовна, – принялся объяснять я. – Вы не так все поняли. Во время урока мы с ребятами мяч случайно на потолочную балку загнали... Вон видите – торчит. Я забрался на этого «ко...», на этот снаряд, чтобы мяч выбить другим мячом, а Серафима Терентьевна мне помогала. Я не удержался и упал. И сбил ее с ног... А тут вы вошли...

– То есть, вы хотите сказать, что я появилась не вовремя?

– Нет. Я только хотел сказать, что вы увидели лишь завершение...

– Не хватало, чтобы я увидела начало! – возмутилась Шапокляк. – А вам, милочка, должно быть стыдно так себя вести. Вы старшая пионервожатая и комсорг школы, какой вы пример детям подаете.

– Да как вы смеете! – вскрикнула Сима и кинулась к выходу.

– Плохо вы начинаете свою учительскую жизнь, Александр Сергеевич, – сурово продолжала завуч, торжествуя впившись в меня взглядом. – Вчера на совещании наговорили всякого, трудовика спаиваете, старшую пионервожатую развращаете... Что дальше?

– Какого еще трудовика? – удивился я.

– Виктора Сергеевича... Он говорит, что это вы ему выпить предложили. Это просо неммыслимо!

– Не было этого!

– Выясним! – многозначительно кивнула Шапокляк, словно особист, не хватало ей фуражки с васильковым околышком. – На большой перемене извольте пожаловать к директору... А пока наведите порядок в зале. Через пять минут звонок. У четвертого «А» урок физкультуры. Постарайтесь, чтобы на этот раз был порядок, и никто вас не лицезрел валяющегося с женщинами в обнимку.

И графиня с достоинством удалилась. Вот стерва! Как все вывернула-то! От злости я пнул по мячику так, что тот взлетел под потолок. Врезался в решетчатую балку, и на пол обрушилось уже два мяча. Я едва успел вернуть мат на место и перетащить «козла» к стене, как раздался звонок. В спортзал ворвалась стайка мелочевки. На этот раз здесь были и пацаны, и девчонки. И одна из них с туго заплетенными косичками на русой головке, вручила мне классный журнал. Теперь-то я знал, что с ним делать.

Четвероклашки, в отличие от моих оболтусов, сами построились по росту и смотрели на меня глазенками-пуговками выжидательно. Этим явно было интересно, что я им скажу.

– Здравствуйте, ребята!

– Здрав-ствуй-те! – хором откликнулись они.

– Меня зовут Александр Сергеевич, я ваш новый учитель физкультуры...

Блин, сколько раз я еще буду повторять эту лабуду?.. Хотя, может, и недолго уже. Настучит Шапокляк директору, и выставят меня из школы. Ну и хрен с ней! Уеду к матери, в Тюмень... Здравствуй, мама, Саша вернулся.

– А теперь познакомимся с вами, – пробормотал я, раскрывая журнал.

С малявками переключка прошла без сучка, без задоринки. Они отвечали охотно и даже с радостью, чем весьма к себе меня расположили. Я решил, что не стану мучить этих замечательных детишек, но бездельничать им тоже не дам. Хватит с меня.

– Ну, во что будем играть? – спросил я.

– В футбол! – выкрикнул кто-то.

– В волейбол! – возразили футболисту.

– В стоп хали-хало!

– В пионербол!

– Стоп-стоп-стоп! – пришлось вмешаться мне. – Мяч вы на улице будете гонять... Давайте поиграем... м-м... в «хвост дракона»...

По строю прокатился шепоток. Четвероклашки недоуменно переглядывались.

– Не знаете?.. Ничего страшного, я вас научу... Та-ак... Вставайте друг за другом... Молодцы... Берите за бока впереди стоящего... Правильно... Теперь тот, кто первый, голова дракона... А тот, кто последний – хвост... – Расхохотались. – Ну тише, тише... Голова должна поймать хвост, а хвост – должен увернуться от головы... Остальные не должны расцепляться... Пойманный хвост становится головой... Понятно?

– Да-а-а!

– Начали!

И я дунул в свисток, но вместо трели раздалось какое-то сиплое шипение. Малявки развеселились еще пуще. Я дал отмашку рукой. Поднялся визг и топот. «Дракон» заметался по залу. Я осмотрел свисток. В нем не было шарика, благодаря которому и извлекается переливчатый свист. Ну рыжий! Достукаешься ты у меня... Надо будет стрясти с него нормальный свисток. Пусть новый покупает. В воспитательных целях, так сказать...

Дабы не мешать малышне сходить с ума, я уселся на скамейку, под шведской стенкой, откинул голову, оперся затылком о перекладину и задремал. Разбудила меня тишина. Открыв глаза, я увидел, что вся взъерошенная, взмокшая, растрепанная ватага ребятишек, стоит передо мною, молча меня разглядывая.

– Что... что стряслось? – всполошился я.

– Звонок, Александр Сергеич, – загомонили они.

– А-а, ну так... свободны!

Их как ветром сдуло. А я, подобрав, валяющийся на полу журнал, поплелся в учительскую. На экзекуцию. Там меня в коридоре с торжествующим видом уже поджидала завучиха.

– Пройдите к директору, будьте любезны.

Я вошел в кабинет, а Шапокляк просочилась за мною, и дверь перегородила тщедушным тельцем. Кроме нас и Пал Палыча, присутствовали Виктор Сергеевич, понуро сидевший в углу, и Серафима Терентьевна, с распухшими от слез глазами. Довели девочку, сволочи...

– Вот, Павел Павлович, – начала завучиха, не покидая своего поста на входе. – Начало трудового пути молодого специалиста... Сначала он нам цирк устроил во время вчерашнего педсовета... Потом – принес на торжественную линейку бутылку водки и забросил ее в кусты, когда мы ее увидели... И между прочим, – завуч зыркнула на директора, – это вы, товарищ Разуваев, помешали мне извлечь это вещественное доказательство... А кончилось тем, что учитель трудового воспитания извлек бутылку водки сам и напился на рабочем месте! А у него, хочу напомнить, сегодня занятия с десятым «Б»!

– Виктор Сергеевич! – всплеснул руками директор, нахмутив брови на трудовика. – Ну как же так!

Тот виновато пожал плечами и вжался в спинку стула.

– Товарищ Курбатов, конечно, виноват и мы обязательно разберем его проступок, но в сегодняшнем инциденте его вина лишь частичная. Водку в школу принес Данилов... – продолжала накидывать навоз на вентилятор завучиха. – Верно, Виктор Сергеевич?

Понурий алконавт обреченно кивнул.

– Это как же! – выдохнул я. – Вы такое городите? Да вы подумайте, если бы я захотел водку пронести, зачем бы я ее в кармане держал?! У меня же сумка с собой!

– А ведь, верно, Эвелина Ардалионовна, – неожиданно вдруг поддержал меня Разуваев. – Здесь что-то не сходится...

– Виктор Сергеевич! – взвыла Шапокляк, нависая над трудовиком. – Объясните! Я жду...

Тот побряхтел, поохал и выдал:

– Моя это бутылка... Физрук ее у меня из кармана вытащил, чтобы не разбилась...

Мотивы, конечно, мои были несколько иными, но я не стал возражать. Да и, хрен, сейчас, что докажешь.

– Ну вот все и разъяснилось! – обрадовался директор.

– Это еще не все! – заявила завучиха, которая, похоже, меня конкретно возненавидела. – Есть еще два факта, объяснить которые, товарищу Данилову, будет потруднее.

– Какие еще факты? – устало вздохнул Пал Палыч и ослабил широченный галстук в нелепый ромбик.

– Он допустил курение в спортзале!

– Не было никакого курения в спортзале, – хмыкнул я.

– А запах табачного дыма?

– Туда он просочился из тренерской... Да и то я лишь подкурил, закашлялся и выплюнул сигарету... – рубанул я правду, надеясь, что меня все-таки уволят.

– Да! – впервые подала голос зареванная Сима. – Это правда! Я видела окуроч!

– А на вашем месте я бы вообще молчала, Серафима Терентьевна! – взбешенная моей откровенностью, накинулась на нее Шапокляк. – Как не стыдно, валяться в спортзале, на полу с молодым человеком...

Старшая пионервожатая охнула и закрыла лицо ладонями. Этого я уже стерпеть не мог. Повернулся к завучихе и тихо так процедил:

– Хватит девочку позорить, старая вы гримза!.. Случайно она на мате рядом со мною оказалась, ясно!

Ну, все... Теперь точно они обязаны меня уволить. Да?

– Пал Палыч! Пал Палыч! – забилась та в истерике, захлопав наплечным черным платком, как ворона крыльями. – Вы слышите! Он меня оскорбил! При исполнении!

– Выйдите все! – рявкнул директор и добавил: – Кроме – Данилова!

Первой выскочила несчастная Серафима. Шапокляк пыталась преградить ей путь, но старшая пионервожатая выдавила ее через распахнувшуюся дверь. Потом мимо меня прошлепал трудовик, избегая смотреть мне в глаза. Когда за ним закрылась дверная створка, Разуваев открыл шкафчик, достал оттуда стопочку, крохотный флакончик и кусочек сахара-рафинада. Накапав на рафинад из флакончика, он сунул сахарный кубик в рот, еще больше ослабил узел галстука и откинулся на спинку кресла.

– Доведет она меня, – пробормотал директор. – Кивнув на пустое место, где только что стояла завуч.

– Чего же вы ее терпите?.. – удивился я. – Гнали бы в шею!

– Не могу... Думаете так просто? Заслуженный учитель РэСэФэСэР... Горно за нее горой... Вот она и держит меня за горло!.. Меня! Батальонного разведчика!.. Я тридцать раз к немцам в тыл ходил, а перед этой стервой как-то пасую...

– Тогда гоните меня...

– Вас тоже не могу, – вздохнул он. – Вы – молодой специалист... У нас указание свыше. Хотя начали вы не лучшим образом... Министерство нам негласное правило спустило – не увольнять молодых специалистов даже по статье. Брать на поруки, воспитывать, применять меры репрессивного характера, но увольнять нельзя.

Вот, бляха... Выходит, что, если я даже косячить буду, меня все равно тут держать будут? Во попал, так попал. Ну прям крепостное право...

– Неужто вы верите в этот бред, насчет меня и Серафимы? – спросил уже вслух.

– Нет... Симу я знаю... Она внучка моего фронтового друга... Однако Эвелина Ардалионовна это дело так не оставит. Поднимет вопрос на ближайшем педсовете. А если учесть, что она у нас еще и председатель товарищеского суда...

– Какой еще суд? – опешил я. – Это вы меня судить собрались?

– Вы прилюдно ее оскорбили.

– Интересные дела... Она тут марает ни в чем не повинную девчонку, а судить будут меня!

– Может еще обойдется... Вы извинитесь перед Эвелиной Ардалионовной...

– Извините, Пал Палыч, но перетопчется!.. Пусть сначала перед пионервожатой извинится...

– Ох, и сложно мне с вами... – покачал головой Разуваев. – Можете идти, Александр Сергеевич... У вас окно в следующие сорок пять минут. Отдохните и подумайте над тем, как выстроить отношения с коллегами.

– Обязательно, – пообещал я.

И первым делом я отправился на поиски трудовика. Спросил у пробегающего мимо старшеклассника, где мне отыскать Виктора Сергеевича и тот сказал, что в мастерских – второй корпус, первый этаж. Как и в школе моего детства, два школьных корпуса соединял крытый переход. Миновав его, я отыскал мастерские. До конца большой перемены оставалось еще минут десять. Более, чем достаточно. Я ворвался в просторное помещение, заставленное верстаками и станками, и сразу же обнаружил пригорюнившегося Курбатова. Увидев меня, он наклонился, словно собирался залезть под верстак, но я ухватил его за шиворот грубого халата.

– Тэк-с, Виктор Сергеич, – процедил я сквозь зубы. – Расскажи-ка, дорогой коллега, как это я тебя спаивал?

– Да не было этого, что ты! – забормотал он. – Я же признался – моя это чекушка была...

– Признался, когда к стенке приперли... – продолжал я допрос. – А до этого кивал, как китайский болванчик... Сам дотумкал на меня всю вину свалить или подсказал кто?..

– Да эта крыса, завучиха, давай меня потрошить – откуда пазырь?.. – начал сознаваться трудовик. – А я и сам не очень помню... Вчера с малярами ремонт школы обмывали... Ну может, осталось... Сунул в карман и забыл... А тут подваливает Гриша... Ну военрук наш... Говорит, это физрук наш новый принес... И мне подмигивает, ну я и подтвердил... Сдуру, чтобы завуч от меня отвязалась.

– Ха! Я же тебе жизнь, почитай, спас... Навернулся бы ты со своей стремянки, приложился башкой о ступеньки и привет!.. И чекунок твой я из кармана вытащил, чтобы завучиха тебя не спалила... Эх ты, алконавт...

Я выпустил воротник его халата, и трудовик шлепнулся на табурет безвольным кулем.

– Ты прости меня, Шурик! – запричитал он. – Бес попутал...

– А главное, чего ты испугался?.. Что с работы попрут?..

Виктор Сергеевич помотал головой и криво усмехнулся.

– Не, меня не попрут... Сейчас хорошего трудовика днем с огнем не сыщешь... За те копейки, что здесь плотют... Я раньше сантехником в ЖЭКе вкалывал... Два столыника с прицепом в месяц имел... Считаю, трешка с заказа на карман дополнительно, это как минимум. Да еще наливали хозяева...

– Что же ты с такого хлебного места ушел?..

– Да баба моя настояла... Или, грит, в школу иди, или я тебя в эЛТЭПэ сдам...

– Все с тобой ясно, – говорю. – Больше так не делай, Витек!

– Да ни в жисть, Шурик!

– Ладно... Где тут у нас комсомолия с пионерией тусуется?

– Чего делает? – не понял последнее слово трудовик.

– Собирается, в смысле, собрания и прочие митинги устраивает.

– Дэк здесь же... На втором этаже... В Пионерской...

– Где?

– Ну, в Ленинской комнате, он же Комитет комсомола, а мы в школе называем то помещение просто – «Пионерской».

– Ясно. Покедова!

Желание поправить физиономию учителю труда пропало. Его тоже понять можно...

Восстановив справедливость, я отправился на поиски Пионерской, надеясь отыскать там Серафиму, если она, конечно, не убежала – вся в слезах – домой. Однако мне, как дебильному супергерою из голливудских фильмов, пришлось пару раз задержаться по дороге к главной цели. Сначала мне приспичило. А тут как раз мужской сортир встретился по пути. Я заскочил туда и сразу же услышал диалог, вряд ли предусмотренный педагогической наукой. Похоже, мне пришлось столкнуться с банальным буллингом. Вернее – не мне, а пацаненку, которого избрали в качестве жертвы.

– Я принесу, честно, – раздавался его писк из самой дальней кабинки. – У меня нет сейчас...

– Тебя чё, давно в толчок не макали? – осведомлялся его мучитель. – Щас исправим...

– Не надо, Сенька, пожалста!..

– Не Сенька, а Арсений Кириллыч...

– Арсений... Кир... лыч... Не надо!

– Отставить! – гаркнул я, рванув на себя дверцу кабинки.

Рыжий – а это был, конечно же, он – попытался проскользнуть между мною и стенкой кабинки, но я успел схватить его за веснушчатое ухо.

– Пусти, гад! – взвыл он.

– Тебя сразу к директору, – уточнил я, – или сначала в толчок макнуть?..

Сидоров на мгновение притих, но потом пригрозил:

– Я бате скажу... Он тебя... он тебя...

– Ага... Старшине Сидорову будет очень интересно узнать, что его сынуля занимается вымогательством, – сказал я, вытаскивая его за ухо из кабины. – Пойдешь по малолетке, а там, на зоне, когда всплывет, что твой папаша мент...

Аргумент подействовал. Рыжий притих. В этот момент на волю вырвался конопатый пацаненок, тот самый, который извещал меня о заболевших и прочих отсутствующих, а теперь подвергался нападкам Сидорова. Он намылился было слинять, но я его тормознул:

– Абрикосов! Вернись!

Он нехотя обернулся.

– А теперь расскажи, что тут у вас происходит?

Конопатый испуганно помотал головой.

– Ты этого не бойся, – сказал я. – Он хоть и сын милиционера, а законов не знает... Он ведь у тебя деньги вымогал?..

Абрикосов нехотя кивнул.

– Так это чистая уголовка... Для начала мы его поставим на учет в детскую комнату милиции... Что, Сидоров, обрадуется ли папаша такому повороту твоей судьбы?..

В это время прозвенел звонок. Конопатый с чистой совестью покинул место экзекуции. А рыжего я слегка попридержал.

– Слушай сюда, Сеня... Нравится тебе или нет, но я буду с тобой и твоими друзьями еще долго. Я вас всех срисовал в спортзале... Абрикосова оставишь в покое. Узнаю о других твоих делишках – пеняй на себя!

И я отпустил его. Он кинулся к двери, но на ходу обернулся и, сияя малиновым ухом, крикнул:

– Ничё, мы с тобой еще посчитаемся!

– Свисток нормальный принеси! – крикнул я ему вслед.

Сделав свои дела, я вышел из сортира и продолжил путь. Неплохо я здесь устроился! Второй день в прошлом, а уже приобрел не менее трех врагов... Военрука Гришу, Шапокляк и еще этого, рыжего, ментовского сынка... А ну как папаша к нему присоединится?!.. И опять я не добрался до Пионерской без помех.

– Александр Сергеевич! – окликнул меня грудной женский голос.

Я обернулся. Возле открытой двери одного из кабинетов стояла дама в розовой кофточке – та самая, пухлогубая, которая на пару с биологичкой конвоировала меня на торжественной линейке. Фрекен Бок, то бишь...

– Вы куда не торопитесь? – спросила она тоном девицы из «Брильянтовой руки».

Цигель, цигель, ай лю-лю...

– Вообще-то не очень, – промямлил я.

– Тогда прошу вас зайти.

И она поманила меня в класс. Судя по пробиркам на столе и таблице Менделеева, что висела рядом с доской – это был кабинет химии. За партами никого не было. Следовательно, у химички тоже было «окно».

– Мы с вами еще не познакомились, – продолжала она, протягивая наманикюренную руку с золотым обручальным кольцом на безымянном пальце. – Екатерина Семеновна!

– Данилов! – отрекомендовался я, пожимая ее чуть влажные пальчики.

– Помогите мне, – выдохнула она, маня в сторону другой открытой двери, в проеме которой виднелись полки, заставленные химической посудой. – Здесь требуется мужская сила.

Похоже, эта окольцованная милфа меня откровенно клеила. Не то чтобы у меня были весомые аргументы против адюльтера на работе, но и в прежней жизни я предпочитал не связываться с замужними, если минусы преобладали над плюсами. Для оценки рисков, которые могут проистечь из интимной связи с Фрекен Бок, у меня не хватало данных. Впрочем, инициативы она не проявила. И моя мужская сила ей потребовалась для того, чтобы открыть прикипевшую крышку банки с какой-то химической дрянью. На этом мы и расстались.

Теперь я рванул к Пионерской, уже напрямую, благо до него оставалось шагов двадцать, не более. Протянул руку к двери, дернул. Заперто. Хотел было развернуться и уйти, как вдруг из-за тонкой филенки послышался слабый голос, который произнес:

– Григорий Емельяныч, пустите!.. Что вы себе позволяете? Я на помощь позову!

Глава 7

Помощь уже пришла. Я не стал долго раздумывать. Рванул дверь на себя. Запор оказался хлипким, особенно – для тренированных мышц Шурика Данилова. Когда я ворвался в Пионерскую, там уже было вполне все пристойно. Военрук недоуменно взирал на дверь (я не я, и хата не моя), а старшая пионервожатая стояла на максимальном от него расстоянии, под большим портретом Ленина, поправляя юбку и хмуро одергивая белую блузку. Не знаю, может быть они оба надеялись, что я сделаю вид, будто ничего не замечаю, однако – не на того напали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.